

Ночной кадр

Почему горожан тянет к лесу, к земле, к простым бревенчатым стенам? Будто там осталось главное, без чего пусто и суетно в жизни. Мы возносимся всё выше в свои каменные убежища, забывая, что наши корни остаются внизу, под толстым слоем асфальта и бетона. Они беспокоят глубоко упрятанные души, зудят и не дают покоя в апрельские или сентябрьские дни, когда там, на земле, особенно хорошо.

Есть у меня один из любимых кадров среди цветных диапозитивов, называемых слайдами. По краям его густо-фиолетовая темень зимней ночи, а в центре, среди синих сугробов, такой неожиданный оранжевый микромир: парящий котелок над костром, топор рядом с расколотой чуркой, воткнутые в снег пила и деревянная снеговая лопата, похожая на весло. На заднем плане оранжево светятся брёвна избушки, утонувшей в снегу, огонёк горячей свечи мерцает загадочной звездой в оконце. Так он мал в царстве холода и снега, этот лесной приют, а сколько в нём тепла жизни!

Этот кадр лечит, когда худо на душе. Помните, как согревал старого Карло очаг, нарисованный на холсте? Говорят, что зимовье, лес — это уход от действительности. Может быть, и так. Иногда он, наверное, нужен, этот уход, чтобы понять действительность и вернуться к ней другим человеком. Можно лучше понять людей и себя, когда наедине с совестью. Наполнить чистой водой колодец, который внутри. Это разговор с Творцом, невозможный в многолюдье.

Нодья

Что это или кто это? Кто угадает с первого раза? Нет, не музыкальный инструмент. Не имя прекрасной незнакомки и не остров в Тихом океане. И нет, увы, этого слова (ударение на последней букве) в словаре русского языка. А это всего-навсего костёр. Не совсем обычный, но хорошо знакомый каждому таёжнику. Придуман для обогрева в долгие зимние ночи.

Сначала идёт обычный костёр. А потом на жаркие угли наваливают два или три сосновых бревна. Можно и лиственницу, но лучше не надо, если нет желания остаться в одних трусах. Горит она жарче и дольше сосны, но стреляет искрами. Стреляет всю ночь и, что самое неприятное, без предупреждения.

Укладка брёвен — дело тонкое. Опуская тонкости дела, перейдём сразу к конечным результатам, и возьмём смелость утверждать, что нодья способна согреть практически в любой мороз. Мы с приятелем ночевали при минус 36 и ничего, остались с уцелевшими носами. Не скажу, что хорошо выспались, но поднялись бодренькими, без будильника, стали на лыжи и — вперёд!

Для хорошей ночёвки придётся потрудиться на совесть, независимо от того, есть она или потеряна давно. Для начала вырыть в снегу малометражную квартиру, квадратов на шесть. Без удобств, зато с настоящим очагом в стиле «ретро». Вместо потолка будут звёзды над головой, что тоже неплохо.

Снег расчищен до самой земли, чтобы передвигаться, не погружая ноги в холодную сырую кашу. Готова лежанка из жердей или нетолстых бревёшек — тут всё по запросам квартиросъёмщика. Сразу за лежанкой поставлена наклонная стенка, тоже из жердей, покрытая плёнкой, корой или хотя бы лапником. Она символически защитит наши чувствительные органы от холода «с улицы», но она же по-настоящему будет отражать тепло нодьи.

Остаётся самая весёлая, самая непыльная работёнка — добыть брёвна для нодьи. То есть найти и свалить сушину, разрубить на части и перенести на место. Идти на лыжах да с бревном в обнимку — это как-то не очень. Лучше вброд, по глубокому снегу. А там, под ним, всякие милые неожиданности случаются. Валёжины. Сучья. Ямы. Ка-ак ухнешь! Бывает.

И вот горит нодья. В глубокой снежной яме открыт филиал славного города Ташкента. Можно даже снять шапку, скинуть рукавицы, рукавом утереть запо-

тевший лоб. В такие часы, когда дела позади, приятно сидеть с кружкой чая и смотреть в огонь, слушать, что шепчет пламя.

Шляпу, признаюсь, не ношу. Но непременно снял бы её перед тем, кто придумал этот умный костёр. Просто, надёжно и хорошо, как всё великое.

Мышки-норушки

Помнится, как строгие тётки в белых халатах учили нас, что мыши — вредители, разносчики, паразиты и всё такое прочее. Но не идут эти слова к лесной мышке, неутомимой труженице. И вспомним, кстати, что лишнего в природе нет. Ну совсем ничего нет. Убери мышку из леса — беда будет соболю, колонку, горностаю и ещё доброму десятку зверей, птиц, для которых это главная добыча в голодный зимний день. Серые зверушки живут по всей тайге, вполне безобидны, иногда даже забавны.

Как-то раз ночевал в охотничьей избушке, проснулся поздно. В разрисованное морозом оконце бьёт, словно прожектор, яркий луч январского солнца.

Зимовье за ночь заметно выстыло, но в спальном мешке ещё тепло. Просто лежу, совсем не хочется вылезать. И тут слышу шорох. Повёл глазами — мышка. Пробежала по полу, на нары вскарабкалась. Или не знает человека, или мало с ним знакома. Что ж, лежу не шевелясь, одними глазами вожу туда-сюда. И вот вижу — нырнула ко мне в спальник. Там тепло, но пожевать ничего нельзя. Побегала по ногам, по животу и выбралась наружу. Бархатной шерсткой щекотнула по щеке, потом по уху... И приспичило ей пролезть под шеей на другую сторону, хотя могла бы просто обогнуть голову, не такая она большая, как мышке могло показаться.

И возникла неразрешимая проблема — никак не пролезть, потому что голова плотно прижата к пихтовым веткам. Упрямая зверушка упорно втирается под шею, почти пролезла уже... Стыдно признаться, но щекотки с детства боюсь, совсем не выношу. Не выдержал, короче, вырвался смешок, повернулся набок. Зверушка в ужасе пискнула, пулей чиркнула по затылку, а в зимовье снова застыла тишина.

А ещё было такое. Зимой сварил на костре вермишель. Слил лишнюю воду в снег, получилась воронка, а туда вместе с водой улизнула частичка варева. Выхожу из зимовья после обеда, иду к кострищу с порожним котелком и вижу, что происходят драматические события. По краю воронки с пронзительным писком носятся две мышки, едва не заламывая лапки в отчаянье, но там уже сидит третья, и не просто сидит, а поедает всё подчистую. Она делает угрожающие выпады вверх и не имеет ни малейшего желания делиться с ближними. Вкусные жгутики исчезают на глазах, и что теперь делать? А вот что — драма уладилась горстью сухой вермишели.

Есть один деликатный момент — в зимовье не просто сохранить крупы, сухари и прочие сыпучие продукты. Мышки, бурундуки и другие зверушки обнаружат их тут же, прогрызут везде дыры и растащат всё до вашего прихода. Поэтому продукты в зимовьях не лежат на полках, они подвешиваются под потолочной балкой. Невелика хитрость, но действует безотказно.

Землеройка

Ещё одна мышьяная история. Возвращаюсь из леса на лыжах. Иду быстро, чтобы успеть выйти засветло. И вот вижу — впереди, в нескольких метрах, по лыжне

катится тёмно-серый комочек. Мышка! Отчаянно улепётывает, семенит крошечными лапками и пытается нырнуть вбок, но снег на лыжне спрессованный, не пробить его никак.

Ага, думаю, вот и поймаю тебя сейчас. Ведь дома ждут две дочурки с мамой, ждут рассказов про лес, а тут папка им зверушку живую достаёт. Вот визгу-то будет! Все захотят подержать в ладошках тёплый комочек, послушать, как громко бьётся напуганное сердечко.

Догоняю, накрываю зверушку меховой рукавицей и прямо в ней, чтоб не замёрзла, сажаю в рюкзак. Мимоходом замечаю чёрные бусинки-глазки и длинный носик, похожий на хоботок. Потом выяснилось, что это вовсе не мышка, а зовут её землеройкой.

Рассказ папы произвёл небольшую сенсацию. Дочки в нетерпении прыгают вокруг, пока развязывается рюкзак. Вытряхиваю рукавицу — и на ладонь падает застывший серый комочек. Глазки-бусинки закрыты.

Только потом узнал о редкой особенности землеройки. Оказалось, что эта зверушка очень ранима на испуг. Учёные люди писали, что достаточно только крикнуть на неё, грубо взять в руки — её слабое сердечко не выдержит испуга. Мне, конечно, это не было известно, взял грех на душу.

Дочки смотрели на папу с укором. Позвал кота, чтобы как-то загладить неловкость. Но чёрный лохматый хищник только потрогал землеройку лапой, лениво зевнул и тоже посмотрел с укором.

А летом копали колодец на даче. Вот уж не знаю почему и как, но в глубокую яму всё время падали землеройки. По несколько штук за ночь. Они бегали по дну ямы, жалобно смотрели на нас и не могли выбраться. Тогда мы взяли на себя обязанности МЧС и выполняли спасательные работы. Папа, стоя на дне ямы, сажал зверушек в картонную коробку и осторожно подавал наверх, где их принимали детские руки и бережно несли к ближайшим кустам. Получалось без потерь, все зверушки были живы.

Перезвон

Вот и пришёл этот радостный день 19 апреля. Наконец-то... Пришёл в самый нужный момент, когда до тревожного звона натянулось ожидание. Душа истомилась, устала от холода затянувшейся зимы. Всего-то несколько дней назад зима была здесь хозяйкой, вернулась после обманчивой оттепели. Налетел порывистый колочий ветер, снежной дробью бил по щекам. Злыми зубцами застыла грязь на дорогах. Оживший было Иркут спрятался назад, в ледяные торосы, и всё вокруг тоже сжалось, спряталось, стало серым, тоскливым и зябким.

Но в два-три дня всё переменялось. Вернулось солнце, ожила стылая земля, и всё, что есть на ней, наполнилось теплом, задышало и запело. За ночь река очистилась, лишь отдельные льдинки наезжают на прибрежные камни и рассыпаются, отчего слышится тихий хрустальный перезвон: Динь-дилинь-динь. Этот негромкий, но настойчивый звон льётся на землю с небес, с гор, из кустов тальника, где журчит снеговая вода. Звенят песни куличков и трясогузок, они вернулись к родным гнёздам и купаются после трудной дороги, чистят пёрышки, охорашиваются.

Все к празднику готовятся. И первый подснежник, выглянувший из расщелины, — и он тоже звонит в свой сиреневый колокольчик:

— Динь-дилинь-динь!

Ни один грубый посторонний звук не нарушит дивную гармонию. Всё успокоилось, всё прибралось и раскрылось навстречу общему празднику. Великое воскресенье сегодня — Пасха.

Брусника в мае

Здесь радость не в объёме собранного. Прошлогодние ягоды редки и ранимы, легко давятся в пальцах. Замучаешься собирать. Терпения в лучшем случае хватит на одну кружку, чтобы порадовать своих вкусным компотом. И заодно горсть-другую отправить в рот. Именно горсть, чтобы разом наполнилось за щеками крепким душистым соком, таким терпким и вяжущим, что в первый миг сводит скулы. Вкус... Словами его не передашь, музыкой тоже, лучшие дегустаторы руками разведут. Но в обход их мнения мы поставим высший балл.

А всё-таки радость в другом. Она в остальном, что сопутствует сбору прошлогодней брусники. В основном запахе первого костра. В пятнах талой земли, сплошь усеянной хвоей и почерневшими шишками. В неожиданном шорохе, с которым выпрямилась ветка, бывшая в снежном плену. В целебном воздухе, наконец, настоящем на запахе весны, полном лучистого тепла. В трепете белой берестинки, отставшей от ствола берёзы, ещё в чём-то таком, что выразить можно только взглядом...

Просто в такой день, словно после долгой болезни, расправляет крылья всё самое лучшее, самое чистое, что есть в тебе. Ощущаешь прилив свежих сил и будто заново начинаешь жить, чувствовать, как прекрасен и светел мир природы. Полной грудью дышать хочется. Жить!

Жимолость

Глядишь, ещё июльская жара жарит всюю, а уже начались осенне-зимние заготовки. Жимолость пошла. И от давления она помогает, и от головной боли, и вообще от всего, если верить той чепухе, что обрушивается на наши головы на рынке. Но какая-то толика правды есть, наверное, если ягода в народе уважаема.

Чтобы собрать её, придётся попотеть. Примерно так же, как в парной бане. Именно этим и занимаюсь сегодня. Вижу себя бедуином, стоящим в раскалённой Сахаре. Безжалостное солнце выжаривает из тела последние запасы зимних накоплений. Слышу, как ползут они каплями по спине и животу, набухают на поясе брюк. Удовольствие ниже среднего... Облако зудящей мелочи, плотно окутавшее со всех сторон, тоже не приносит радости.

И вот в воздухе слышится что-то новенькое. Сквозь назойливое зудение и стрёкот кузнечиков пробивается тревожное: «Ци-ци-ци». Очень похоже на «Цыц отсюда!» Оказывается, что над головой носится пара жёлтых хвостатых птичек — не знаю таких, к сожалению. Чем-то недовольны?

Держу курс на большой куст с ягодами, давно приметил его. Но, странное дело, чем ближе подхожу, тем воинственнее ведёт себя крылатая парочка. Ну, чего вы на меня так? Ягод жалко что ли? У вас крылья есть, вы сверху ещё десяток таких кустов найдёте. Мне бы ваши возможности.

Подошёл к кусту, снимаю рюкзак. Сажусь на землю и устраиваюсь поудобней, чтобы начать с нижних веток. А тем временем птицы, мои преследователи, совсем обезумели. Теперь они отчаянно мечутся прямо перед лицом, гонят воздух, как два живых вентилятора, осыпают меня целым градом своих «ци-ци-ци». Самая отважная уже дважды чиркнула пером по кепке. А ведь ещё и клюнуть может... За что? Ну нет, это никуда не годится. Отгоняю маленьких агрессоров, а свободную руку протягиваю к ягодам и... останавливаю на полпути.

Из куста в упор смотрит блестящий чёрный глаз. Немигающий, в жёлтом ободке, полный страха и любопытства. Птенец, похоже, впервые решает сложную задачу — спастись бегством или замереть, слиться с листвой!

Жаль, конечно, но... Встаю и с сожалением оглядываю куст — эх, до чего хорош! Крупные, дымчато-сизые ягоды гроздьями висят на каждой ветке, висят соблазнительно близко, только руку протяни. Но лучше уйти. А пернатые родители ещё долго цикают вслед, гонят незваного гостя дальше по вырубке. Только уже не тревожно звучат их голоса, но победным маршем.

Маслята

Хорошее имя у этих грибов — звучное, сочное и вкусное. Недаром так любят их белки и бурундуки, большие знатоки по этой части. Смотришь, разного корма народилось в лесу — и шишки, и ягода всякая есть, а всё же маслёнок зацепить захотелось мимоходом. То здесь, то там желтеют свежие погрызы на шоколадных шляпках.

Весёлый, артельный народец маслята. Чем-то на нас похожи. Любят пожить широко, без утайки, разгуляться всей деревней враз по косовету. И такие же беспечные. Бывает, что проскочат первые июньские дожди, короткие и ненадёжные, другие грибы не спешат, пересидят их в земле, а маслята, глядь, уже повывлезли, нет терпению. А тут и жара грянет. Исушит беднягу, края вывернет, как зонтик наизнанку, — не будь шляпой. А что толку? Был шляпой, есть и будет.

Они и уходят последними, когда все уже попрятались, в конце сентября. Холодные дожди насквозь прошивают опустевший лес, большинство птиц на юг подались, грибники по домам сидят. А на рассвете, когда всё дремлет в зябком полусне, на землю падает пронзительный взгляд зимы. Сквозь голые ветки ей хорошо видны все зазевавшиеся грешники. Дотронулась жезлом — динь! — и застыли маслята, стали хрупкими, как сосульки. Что ж, такая выпала судьба, быть крайними.

Был случай даже много позже, когда ни один уважающий себя гриб не посмеет вылезти наружу — холодно!

В предгорьях Саян уже выпал снег, а по утрам кусался заметный морозец. Иду с ружьём по распадку, поднимаюсь в гору, снег под подошвами «хруп-хруп», градусов пять с минусом. Вышел на вершину. Место открытое, солнечное, с хорошим обзором во все стороны — как не остановиться?

Заметив вытаявшую полянку, подхожу ближе, сажусь на согретый солнцем коврик лиственничной хвои. Отдыхаю, улыбаюсь паре синичек, порхающих вокруг, дышу чистейшим горным воздухом и люблюсь ослепительно-белыми вершинами вдаль, до которых не меньше сотни километров по прямой. Опускаю взгляд и вижу... Как вы думаете, что? Отличный свежий маслёнок! В меру круп-

ный, мясистый и крепкий — сам просится под нож. Надо, конечно, срезать, если настаивает.

Вернувшись к палатке, сварил его в общей с консервами похлёбке, но выловил и съел в первую очередь. Ах, как вкусно! И было это в середине октября в Восточной Сибири, когда в десятке метров от костра лежал снег. Не верите? Сам бы не поверил, но — было.

РЫЖИК

Ну хорош рыжик, хорош, чего уж тут спорить. И в сметане с молодой картошечкой, и солёный, поддетый на вилку и готовый в горло прошмыгнуть следом за выпитой стопкой. И в лесу выручит, когда есть хочется, а времени нет на полноценный обед. Тогда быстренько насаживай на прут сразу нескольких рыжих, посоли, поддержи минуту-другую над горячими углями — и вот уже готов грибной шашлык. Ешь, наворачивай с хлебом, объеденье — за уши не оторвёшь от такого блюда.

Да, вкусен он, рыжик, и красавец.

Но, как все красавцы поголовно, цену себе знает, и похвалиться не прочь. Место, где вылезти из земли, выбирает видное, чтоб заметили его поскорей. Выставит розовое ухо и прислушивается к похвалам в свой адрес. И часто порченный бывает, потому что красивый. Встретишь такого — совсем ещё малец, от земли почти не видать, а уж весь в червоточине, ни одного чистого пятка не найдёшь. Зря грибник радовался да нагибался.

А всё равно, ругай не ругай — не исправишь. Терпеть приходится. Сам к нему придёшь, если любишь грибы, никуда не денешься. «Влюбишься и женишься», как поётся в известной песенке.

Грузди

Они разные. Сухой боровой груздь повадками с рыжиком схож. И на червя слаб, и на глаза всем лезет — на бугорок, чтоб повыше, повидней.

И совсем другое дело жёлтый или, как его называют, молочный сырой груздь. Он скромнее, селится в тенистых березняках, где есть еловый подрост. Здесь всегда прохладно, много старых колод и валёжин, скрытых под сырым мхом. Здесь острее грусть по ещё одному ушедшему лету.

В этом Берендеевом царстве можно встретить дружные семьи жёлтых груздей. (Известные белые грузди, не менее прекрасные грибы, к слову сказать, живут в других местах и требуют другого рассказа.) Словно солнечные зайчики упали на землю и разбежались врассыпную, озорно выглядывают из укрытий. Но спешить собирать нельзя. Иначе, говорят знающие люди, распугаешь грибы — разбегутся, даже половины не соберёшь.

Берестяной горбовик с плеч долой, сажусь на сухое бревно, глядя по сторонам, будто без интереса к грибам.

А в самом деле, почему не посмотреть вокруг? Хорошо-то как! Начало сентября, тайга в эту пору привлекательна, полна интереса, как сорокалетняя женщина. Вырастила детей, хозяйкой стала, нет в ней прежней суеты и жары обжигающей тоже нет, но что-то в ней притягивает. И ты идёшь...

Но ты человек, существо небескорыстное. Взгляд твой падает вниз и сам отыскивает желанные жёлтые пяточки среди мхов, кустиков костяники и черники. Про себя считаешь: один, другой, третий, пятый, седьмой... Неторопливо досташь из кармана складешок. Потом намечаешь ближайший к себе, идёшь как будто мимо, в сторону смотришь. Но тут и обернёшься — хватить его за крепенькую ножку, полезай в кузов!

Ещё интересней с рассветом. Березняки одеваются в туман и становятся таинственной тайгой. Вдалеке рябчики пересвистываются... Ты прислушаешься, потом случайно глянешь под ноги, а там:

*...с рюкзаком из прелых листьев
груздь на цыпочках встаёт.*

Сразу видно, что наш человек говорит — лесной, не одно утро встречавший в тайге. Поэт Михаил Рябиков. Лучше, пожалуй, и не скажешь.

В серёдке груздя застыло озерцо размером с малую монетку. Молодым ледком перехватило «водоём». Пробую мизинцем на крепость. Проваливается! Вода в озерце холодная, но не очень — греется от гриба, а тот от земли.

Солёный жёлтый, как и белый сырой груздь, хорошо держит вкус, если хранить вперемежку с листом чёрной смородины. В любое сибирское застолье вхож, как знатный господин, а тарелка с грибами, приправленными маслом и репчатым луком, в самом почётном месте — в центре стола. Потому и кланяемся груздям при каждой встрече.

Коврик-самолётик

Сначала замечаю прыжок. Но засомневался: какой же это прыжок? С одного дерева на другое, метров пятнадцать, не меньше — так никто не прыгает. Даже белка, первая мастерица по воздушным прыжкам, не осилит столько. Это несомненный полёт.

Осторожно подхожу к дереву, где затаился зверёк, высмотреть хочу, а он не высматривается. Показываться не хочет. Но червячок любопытства грызёт и не даёт покоя, как пустой желудок. Осматриваю все ветки по порядку, снизу — вверх, обхожу со всех сторон и наконец замечаю пепельно-серую головку, выглянувшую из развилки. Она похожа на беличью, но почему-то без кисточек на ушках. Нет, не белка.

Зверушка оказалась на редкость скрытной. Как ни стараюсь подобраться поближе, она неизменно уворачивается, и лишь одна головёнка виднеется из-за ствола. Потом и вовсе пропала. Только одно успеваю подметить — зверёк явно меньше белки.

Год спустя меня снова забросило сюда. Иду в знакомое зимовье, хочу поохотиться. Настроение, правда, не совсем охотничье. Располагает к тому, наверное, чудесный августовский вечер. Вижу, как солнце тихо садится в сосновые сети. Над головой мельтешат и светятся в лучах невесомые толкунцы. Пахнет нагретой хвоей и смолой. Угомонились птицы, по лесу разлилась тёплая, по-домашнему уютная тишина.

Ход замедляется, а ноги сами по себе останавливаются. Хочется просто постоять без движений. Вот и стою, молчу, довольный подаренным вечером. Готов

обнять все кусты и деревья сразу — они такие красивые! И всё вокруг улыбается в ответ, потому что лучшее впереди. Оно за поворотом.

Спускаюсь в низину, из светлой берёзовой роши попадаю в сумрачное место, где тихо застыли высокие пихты. Здесь тоже надо постоять.

Поднимаю голову и снова вижу волшебные полёты. Порхают с пихты на пихту, словно бабочки, те самые зверушки, уже целой эскадрилей. Их было, кажется, пять штук, и летали они синхронно. По какому-то знаку, мне не видному и не слышному, они прыгали все сразу и летели в одну сторону, почти на одной высоте, но садились на разные ветки. Потом дружно летели на следующее дерево. Довольно скоро тем же порядком вернулись назад.

В этом полёте смущало одно — не двигались ни лапки, ни хвосты зверьков. Почему же они в таком случае не падали?

На сей раз показалось, что летуны за один приём покрывали по двадцать и больше метров. Наверное, кто-то из родителей, папа или мама зверушек, учили молодых летать, как это делают птицы. Судя по всему, мне удалось наблюдать тренировочные полёты начинающих лётчиков.

Это выглядело плавно и совершенно бесшумно, как не летает никто. Глядя снизу, отмечаю, что по воздуху летят не ковры-самолёты, но много уменьшенные их двойники. Или обычные носовые платки с завязанными уголками, поскольку все четыре лапки торчали в стороны. Правильней будет сказать, что зверьки планировали, как бумажные самолётики, меняя при этом траекторию, если надо. Иногда казалось, что на миг они зависают, прячут на месте, как орлы и чайки, владыки синих просторов.

Найдётся ли человек, которого не заворожит этот удивительный полёт?

Только с балетом можно сравнить тот парящий прыжок — столько в нём изящества, грации и пластики. Глядя на него, ты будто сам отделяешься от земли, поднимаешься вверх и паришь над притихшим лесом. Вечная мечта всего человечества.

Оказалось, что зверёк зовётся будничным именем «летяга». Знают о нём мало, видят совсем редко. Иногда даже называют двойным именем «белка-летяга», но всё-таки это отдельная разновидность.

Мать природа снабдила летягу эластичной кожистой перепонкой, как у летучих мышей, легко растягивающейся и складывающейся между всеми четырьмя лапками. Пользуясь ею, искусно маневрируя хвостом, она летает и парит в восходящих потоках тёплого воздуха, ловит насекомых.

Десятки лет пролетели с того памятного вечера, многие сотни километров пройдены в разных уголках сибирской тайги, но летягу больше не встречал нигде. Остаётся благодарить судьбу за то, что подарила встречу с летающим зверьком, похожим на сказочный коврик-самолётик.

А вот был случай

Поговаривают про охотников и рыбаков, что не прочь они приукрасить свои похождения, могут прихвастнуть, а то и приврать, чтоб оно «красивше» было. Наверное, не без оснований поговаривают. Но бедняг рассказчиков и понять тоже можно. Что тут подделаешь, если на реке да в лесу приключаются такие фантастические истории, в которые самим очевидцам поверить трудно.

Случалось и у автора.

Был, к примеру, выстрел, после которого рябчик свечой взмыл вверх. Ясное дело, что попал. Вот-вот должен упасть. Должен-то должен, а не падает. Летит себе, летит, забирает влево и совсем пропадает за деревьями. Проводив его с досадой взглядом, иду дальше, зная, что искать бесполезно. Легче иголку найти в стогу сена.

Через пару часов возвращаюсь той же лесной дорогой. Само собой, с повышенным интересом подхожу к тому месту, где стрелял. Вот она, берёза, на которой сидел петушок, здесь сам стоял, следы остались... А вот и рябчик!

Можно понять моё изумление, когда в пожухлой траве увидел пепельно-серую тушку. Практически на том самом месте, где сам стоял, стрелял, досадовал на невезенье. Как? Откуда!? Ничего не понимая, поднял тушку из травы, осмотрел. Свежая. Нет, не чужая добыча, моя. Чужой выстрел был бы услышан. Да и следы... Вот они, мои отпечатки на мокро-глинистом спуске, других нигде нет.

И вот ещё что. Ушёл не сразу после выстрела, постоял минуту-другую, всё же раздумывая, не пойти ли на поиски. Выходит так, что подбитая птица сумела прилететь уже после моего ухода и упала именно там, где стоял охотник, и где никак не стоило приземляться. Нет никаких внятных объяснений — как такое могло случиться? Сплошная фантастика. Но рябчика, конечно, забрал, как подарок судьбы.

Другой удивительный случай был на краю калтуса, где рябчики и глухари любят собирать клюкву и бруснику.

Отчётливо видел, что выстрел удачный — рябчик камнем упал вниз. До слуха донёсся мягкий шлепок тушки о землю. Но где же добыча? Стою под корявой елью, на которой он сидел, растерянно озираюсь и ничего не вижу, кроме нескольких пушинок на зелёной моховой подушке. Может быть, ошибся, и надо искать под другой ёлкой? Нет, там тоже ничего.

Несколько раз прохожу взад-вперёд по небольшому, как комната-десятиметровка, пятачку, снова останавливаюсь возле пушинок. Размышляю. Если бы он оправился и улетел, иногда такое бывает, то было бы слышно хлопанье крыльев. Но не было. Это уже мистикой отдаёт — рябчик должен быть, как понедельник в понедельник, но его нет, хоть тресни.

Уходить не хочется. Смотрю на пушинки, вглядываюсь в истоптанный сапогами мох — не мог же он сквозь землю провалиться! А почему бы и нет? Мог провалиться, только никто не обозначил это место флажками. Придётся самому поискать. А вот и дырочка имеется, но очень скромная, даже воробей не пролезет. Разве что сосновая шишка. Даже нагибаться не стоит.

А всё-таки нагнулся и просунул палец. Он не встретил сопротивления. Тогда раздвинул мох, и вся рука по локоть уходит в тёмную пустоту. Пальцы скользят по влажным холодным камням и вдруг натываются на что-то тёплое, мягкое. Рябчик! Вот тебе на...

В тот раз показалось, что шутку подстроил господин случай. Так ловко всё организовал, что сбитый рябчик угодил точно в расщелину среди камней, прикрытых толстым слоем мха. Отверстие во мху, наверное, сузилось, а затем и сапогами затоптано. И должно пройти много лет, пока не поймёт однажды рассказчик — ничего случайного нет.

Сучок

Напоследок закатное солнце брызнуло золотом по верхушкам лиственниц и до утра закатилось за горизонт. В тайге свежо, но совсем не холодно. Пахнет палыми листьями, и что-то возвышенное стучится в душу. Хочется слушать стихи. Вполголоса... Стоит такая тишина, что далеко слышно бегущую мышку.

Как-то само собой всё складывается в чудесный осенний вечер, когда так легко дышится, легко шагается по лесной тропе и легко живётся. Проблемы остались в городе и кажутся отсюда несущественными. Ты можешь идти в любую сторону, а если сильно захотеть, то и полетишь, куда захочешь, как невесомый паучок летит на своей паутинке — в любой момент втянет её в себя и опустится на землю, где захочет.

Дела охотничьи тоже радуют. Первого рябчика добыл ещё на утренней зорьке, а вот сейчас несу сразу трёх — за каких-то два часа успел ухлопать. Четыре штуки! Удачный денёк.

Шагаю по лесной дорожке, до палатки остаётся где-то с полкилометра. Сквозь кусты вижу большую поляну, это чей-то покос. До деревни Шаманки не близко, километров двадцать, но покос обитаемый. На краю леса виден балаган с кострищем, смётан свежий стог сена. А это что? Непорядок углядел на покосе: обугленный сучок торчит из травы.

Иду себе дальше, в мыслях рисую, как проходит коса широким взмахом — вжик-вжик! И вдруг — бряк! — натывается на головёшку. Никуда не годится. И не может такого быть вообще. Перед покосом хозяин обязательно пройдёт, везде посмотрит и уберёт все сухие ветки, что напали после ветров. Куча хвороста набирается за год. Не мог хозяин не заметить головёшку, вызывающе торчащую из травы.

А если это и не головёшка вовсе? Вдруг глухарь? Кормится в подросте жнивьё, выставил голову на угольно-чёрной шее и посмеивается над моей победной походкой. А вот вернусь сейчас! Что тогда запоёшь?

Включаю плавное торможение и стою в некотором замешательстве. Голос, предлагающий вернуться и проверить догадку, — он как-то не вполне убедительно звучит. Даже совсем притих. Не уверен в себе. Зато набирает обороты другой голос, советующий не возвращаться, но идти вперёд к сытному ужину. Что ж, знаем — сестрица-лень может красиво говорить.

Не послушал сестрицу, возвращаюсь. Ведёт за руку капелька надежды, приправленная азартом. Гарантии, конечно, нет, что глухарь на прежнем месте меня дожидается. Глухарь не обязательно реальный, не возникший в воображении. Это может быть и ворон, издали не сразу различишь. И чёрный сучок совсем не исключается. Или головёшка. Но — вперёд, вперёд!

Подходя к покосу, пригибаюсь к земле, прячусь за кустами. Вот уже скоро... Честное слово, не хотелось бы вернуться, подкрасться и увидеть сучок. Готов пожертвовать рябчиком, чтобы чёрный сучок не торчал на прежнем месте. Пусть уходит.

Всё, голову можно поднять. Глазами обстреливаю поляну и не вижу сучка. Исчез! Значит, всё-таки глухарь. Теперь готов отдать всех трёх рябчиков, чтобы он объявился на поляне. И желательно поближе, тогда не промахнусь. Патрон заряжен картечью, можно бить с упора.

Стою не шевелясь, жду минуту, две, три... Да здравствует терпение! Выждал — чёрная головёшка поднимается над травой. Да, это голова глухаря. Она почти сразу

прячется, но теперь не важно, дело за мной. Что ж, готов! Ствол поднят на уровень глаз, лежит в развилке, курок взведён. И сам напряжился, как лев перед прыжком. Слышу, как прыгает сердчишко... Он сейчас снова покажется и... Удар! Отдача бьёт в плечо, удача бьёт в голову. Глухарь мой! А вы говорите — сучок.

Соболь-насмешник

Рядом с моей зимовьюшкой есть небольшая марь, поросшая болотным багульником, тальником и карликовой берёзкой — излюбленное местечко кормёжки зайцев. Хозяином зимовья это, разумеется, замечено, выводы сделаны. Насторожил ловушки. Поймал раз, поймал два... Дело пошло.

И вот снова иду проверять насторожку.

Уже издали вижу что-то неладное. Кто-то здесь побывал раньше меня. На снегу кровь, всё истоптано лапами. От зайца, попавшего в ловушку, осталась ушастая голова да передние ноги, остальное съедено. Кому такое понравится? Кто хулиганит в моей вотчине?

А-а, вот оно что — соболь! По следам вижу, точно он. Украл чужую добычу, да ещё и напакостил. Зайца выпотрошил, требуху раскидал как попало, а самое вкусное, печёнку и сердце, слопал. Даже «спасибо» не сказал. Ну погоди, шельма! Изловлю тебя, ох изловлю. Поставлю капкан, и — попадёшься. Как миленький попадёшься! Шапку из тебя сошьём.

Жена попиливает, что нет у неё собольей шапки. У других, говорит, сразу по шапке издали видать, что муж охотник, а твоя всё в вязаной ходит. Какой ты после этого добытчик?

Куда деваться, если правду говорит? Соболь — король пушного промысла. Добыть самого короля всегда почётно. Сам себя заважаешь.

К следам соболя, чётким и красивым, давно присматриваюсь. Говорят, что хитёр и умён, что без собаки его не возьмёшь. Но мало ли что наговорят? Говорят, что кур доят. Вдруг повезёт? Капканы есть, надо только поставить их и всё толково продумать.

Зная, что к зайцу соболь обязательно вернётся, капкан установил рядом с тем местом. Оставшуюся часть добычи забрал, хватит ему одной требухи, запах от неё ещё сильнее. Придёт, никуда не денется. Всё сделал, как надо: приманку подвесил высоко, на тонкой проволоке, с трёх сторон загородил ветками. Теперь никак её не сбить лапой — ни сбоку, ни сверху. Остаётся только войти в загородку через парадный вход, встать на задние лапы и угодить ими в капкан. Всё рассчитано, как в аптеке.

Пролетели дни, а мне «уж замуж невтерпёж», как филологи говорят. Бегу на лыжах, спешу. Приходил ли соболь? Страшно интересно!

Аж запыхался, пока добежал. Вижу — да, соболь приходил. В полуметре от приманки потоптался и — ни-ни! А в чём дело? Капкан аккуратно прикрыт снегом, ничуть не просвечивает. Догадался что ли?

Нет, скорее всего, не соблазнился приманкой. Подошёл, принял — требуха. Поду-умаешь... Несолидно для их королевского величества.

Этот вариант предвиделся. Не зря прихватил с собой заячью голову! Её подвешиваю рядом с требухой. Ассортимент улучшен, теперь клиент должен быть доволен.

Выждав, снова иду с бьющимся сердцем. Кардиограмму лучше не показывать — ни одна медкомиссия не пропустит. И что же?

А вот что: на птичий шажок подходил соболь и совсем нехорошо покуражился над охотником. Помочился точно на капкан, от чего жёлтое пятнышко расплылось по снегу. Приманку даже не тронул.

Ах ты, шkodливый кот! Ну надо же до такого додуматься... Обьегорил опять. Где-то что-то углядел.

Всё передумал и ошибку нашёл. Чуждые для леса запахи. Снял капкан и целый час вываривал его вместе с пихтовой хвоей. Отдельно протёр пихтовой лапкой все детали. Затем переоделся в стираные, ещё не ношенные штаны и куртку сменил. Капкан насторожил на прежнем месте, а перед этим руки вымыл снеговой водой и той же лапкой обтёр.

Проверять иду с энтузиазмом, не угасшим пока, но в голове поселились сомнения. Коготками скребут. Что на этот раз приготовил коварный котьяра? Прорыл туннель под капканом? Или «фигу» на снегу нарисовал? Оказалось, ещё хуже. Разгадав мою возню, он снова натоптал вокруг, возле ловушки снег зажелтил, но этого было мало, и он добавил сюда свою чёрную кашку. Дескать, вот тебе «фигушка» с запахом. Вынести такого надругательства уже никак нельзя. Капкан снял, при ловле крыс пригодится, а опыты по добыче соболей на этом прекратил.

И с женой договорились. Она у меня умница, всё понимает. Мы с ней решили, что если шапку из соболя, то только из баргузинского. Этот вправду красивый — с серебристым отливом, чёрный. Не чета соболу Ангарского кряжа, имеющему более бледный и бурый окрас. А поскольку баргузинский в наших краях не водится, то вопрос снимается сам собой. Можно не суетиться. И вообще соболя шапки выходят из моды.

Смородиновый чай

Сидеть за электросамоваром да чай гонять — дело хорошее. Но всё же лучше чай таёжный, из побегов или листьев чёрной смородины. Только чёрной! Красная кислица в такой чай не годится, не даёт ни навару, ни духу, хотя кусты внешне похожи.

Чёрная — это да! Её по запаху и отличить легче лёгкого, если не разберёшь. Бывает так, что только в потёмках от рыбалки оторвёшься, когда уж совсем поплавок не видать, и бегом к костру, уху соображать. Но какая уха без хорошего чая? Неправильная, костями поперхнёшься.

Остаётся идти по ручью и на ощупь кустики искать. Идёшь, в темноте запинаешься, пробуешь пальцами листья, разминаешь, пока не наткнёшься — вот она, душистая! Кипяток заваришь целой горстью, и от аромата расплывёшься в улыбке. Чай бывает цветов осени: зелёный, жёлтый, даже оранжевый. В такой и сахар не хочется класть, портить напиток.

А всё-таки самый-то чай будет зимой, ближе к концу, когда мороз ещё крепок, а снег уплотнился, осел. По знакомым приметам найдёшь белый бугорок, где зимует куст, ладонями подрежешь макушку сугроба. Теперь осторожно подними искрящуюся шапку и вдыхай духовитый настой полной грудью. Его там немного, всего-то на один вдох-глоток, зато какой! Настоящий лесной бальзам зимней выдержки.

Между ветками пустота — здесь настаивался бальзам. Серые стебли с розовыми почками — они, как в сказочном ледяном царстве, густо усыпаны крупными кристаллами. Кажется, тронь веточку — и тихо зазвенят... К зимовью бережно несущий пучок молодых побегов с набухающими почками — именно в них собралось лучшее из того, чем богата земля.

Котелок, словно камчатский вулкан, окутан клубами пара. Даже не видать — кипит вода или нет? Мороз прижимает. Но вот налита кружка, чай разносит тепло по всему телу, и близким видится солнечное лето. Снова рыбалка, снова ягоды, грибы, снова охота — всё у нас впереди!

Останцы

Так вообще-то принято называть отдельно стоящие высокие скалы, излюбленные кабаргой для отстоя. Но есть и другое толкование. Как-то раз услышал от одного таёжника и теперь сам пользуюсь этим словом — оно неплохо подходит для старых горелых пней, часто торчащих в тайге.

Пни оставлены не пилой и не топором.

Это немые свидетели давних пожаров, страшных и редко кем виданных. Так называемый «верховой пал» — лавина огня высотой с многоэтажный дом, она валом катится по тайге, подминая под себя всё и вся. Огненный вал легко перескакивает дороги, ручьи и даже реки.

Редко кому удаётся спастись от страшной лавины. Тысячами гибнут обезумевшие от ужаса звери, птицы, малые зверушки, подземные обитатели, кусты и деревья любых пород — всё обращается в пепел.

Ничто, кажется, не способно здесь уцелеть. Но это не так.

Там, где бушевал пожар, остаются торчать высокие головёшки, твёрдо держащиеся за землю. Это всё, что осталось от могучей сибирской лиственницы, чья твёрдокаменная древесина даже в печи горит дольше.

Головёшки причудливы. На что они похожи? О-о, это тема для отдельного любопытного рассказа.

Останцы могут принимать любые формы, какие доступны воображению. Пробираясь по лесу в сумерках или ночью, человек даже не робкого десятка легко может вздрогнуть, когда увидит за кустами чёрное чудовище с поднятой для удара лапой.

Странные фигуры, словно судорогой скрюченные существа, могут и насмешить, и напугать. Вот из-за дерева выглядывает персонаж, похожий на закопчённого тунгусского идола. А там стоит парочка чумазных трубочистов в лёгком подпитии. Саксофон, одиноко стоящий в ожидании исполнителя. Исполинский сапог, а за ним чёрный кот, затаившийся в кустах. Даже зубастая пасть крокодила зачем-то высунулась из земли. Чёрный пиратский флаг, разодранный штормами и лихими стычками, воткнут древком в землю, стоит сиротливо — загулявшие пираты забыли его на берегу.

Однажды встретил огромный пень, весь выгоревший внутри, но с «крышей», похожий на ресторанчик для леших.

«Омулёвая бочка» — тут же нашлось название для него. Увидел узкую щель в боку, порадовался своей догадливости — вход! Протискиваюсь боком, осматриваюсь. Вполне ничего, сухо, сверху не капает. Только темновато. И пахнет чем-то

несъедобным. Между прочим, ресторанчик уже занят — сверху недружелюбно смотрит его единственный посетитель, большущий паук.

А ещё лучше нет топлива, чем останцы. Под их обугленной бронёй, куда не проникает никакая влага, прячется смолистая красноватая древесина. За века набрала сухость и крепость, стала как кость. Случается такая мокрота по осени, после затяжных дождей, что даже под кедром сухого сучка не сыщешь. Тут уж только останцы спасут, согреют.

Верховой пал прокатился сотни лет назад, уничтожил всё. Но жизнь берёт своё. Сначала на пепелище появится первая робкая зелень — мхи. Потом травы, кусты. Пройдут многие годы, пока зашумит здесь лес. Сначала невысокий, смешанный — березняк, осинник. Но под кустами, в траве уже растут, набирают силу таёжные великаны. Нужна ещё сотня лет, тогда поднимутся в рост сосны и лиственницы, вытеснят мелочь, и вот уже мощной стеной стоят, как стояли их далёкие предки.

Но останцы по-прежнему здесь, как будто время их не замечает и не трогает. Менялись леса, менялись цари и президенты, вспыхивали бунты, войны, революции, и снова воцарялся мир. Только останцы стоят, как почерневшие от времени памятники.

Уважать старших — этому нас когда-то учили. Потом мы переносим уважение на старинные вещи, предметы, пережившие наших родителей, с почтением смотрим на древние деревья, видевшие Александра Пушкина и Льва Толстого... В старых сосновых борах можно встретить останцы, которым лет по триста. Или больше? Как давно, как далеко от нас, сегодня живущих... Подумаешь и... заважаешь.

Паучки

Декабрь и январь — самые тёмные, самые трудные месяцы в северных лесах. Жизнь замирает и съёживается в оцепенении. Идёшь по лесу и сам холодеешь от мысли — а вдруг погубило всё живое! Ни следов, ни звуков никаких, ничто вокруг не дышит, остался один ты, глупый заиндевевший лыжник, зачем-то покинувший тёплый дом. Но и тебе недолго осталось, тоже упадёшь сейчас, через минуту, завенишь, как ледышка...

Возможно, поэтому так радуешься на переломе зимы, в потепление, когда видишь странствующих по снегу паучков. В первую же оттепель, в феврале, они непременно появляются из своих убежищ, выходят наверх сквозь снежную толщу и во множестве бродят туда-сюда, будто не зная, чем бы заняться после надоевшей зимы.

Паучки маленькие, чуть больше комара, но нельзя не заметить их на чистом загородном снегу. Они медлительны и будто с трудом переставляют свои тонюсенькие ножки. Кружат на месте, натываются друг на друга, во все стороны расползаются, словно оказались на другой планете и не могут ничего здесь понять. Зачем их сюда высадили?

Надо, наконец, уточнить. Это вовсе не паучки, просто рассказчик сам для себя их так назвал. Наука как-то по-другому зовёт вестников весны. Но здесь это и неважно, речь идёт о другом.

Понаблюдаешь минуту-другую и думаешь — куда они высыпали? Зачем? Воз-

можно, что многие из них замёрзнут на морозе, зима ещё не кончилась. Но не всё доступно нашему пониманию, и это тоже стоит принять. Отсюда вынесем главное, оно просто и ясно, как небо, как этот снег. Жизнь продолжается! И продолжаться будет вечно.

Лесной аквариум

Рядом с болотцем, где беру клюкву по осени, есть ручей. Воды мало, по щиколотку, но на котелок хватит, а больше и не надо.

И вот снова осень, снова по клюкву пора. Собираю, дело к обеду. А было немножко в другом месте. С котелком протискиваюсь сквозь чапыжник и глазам не верю — тот ли ручеёк? Да тот, какой же ещё... А сомнения шевельнулись потому, что в захудалом ручейке настоящий омуток оказался. Омуток, разумеется, невелик. Хороший прыгун без разбега перемахнёт. Но неожиданно глубокий — если встать на дно, то «с ручками будет», как мерили в ребячестве.

Ещё удивительней видеть здесь рыбу. Не какие-то пескаррики, гольяны — нет, настоящий хариус! И много. В первую минуту показалось, что рыбе даже тесно в этой яме, невесть откуда взявшейся. Такое скопление, что местами дна не видать. Кстати, дно чистое, песок и камешки. Только по краю виден ил, растут редкие водоросли. В середине омутка, если присмотреться, можно заметить, как пульсируют песчинки в крохотных родничках. Скорее всего, омуток и родился благодаря родникам.

Фантастика, ставшая явью, долго не давала покоя. Откуда рыба? Не могла же она взяться из ничего, «по щучьему веленью»?

Не пожалев однажды времени, прошагал весь ручей от истока до конца, но ни разу не встретил ни похожего омутка, ни рыбы. Только пару раз, ближе к устью, на глаза попались гольяны, кошачья радость. Хариусу просто негде быть — везде слишком мелко.

Утки икру занесли? Плохо верится, не встречал их здесь никогда. Или хариус зашёл по большой воде и остался в яме, как в закрытом аквариуме.

Пришёл на лыжах в январе. Хотелось посмотреть, не ушла ли рыба на зиму вместе с большими дождями. Нет, не ушла. Даже в мороз здесь осталась пропарина, отчего нависшие над ямой кусты покрыты белыми удивительной красоты кружевами. Рыба сбилась в плотный косяк и стоит у самого дна. Чем они питаются в это голодное время? Ещё одна загадка.

Заглянул сюда и в марте. Да не с пустыми руками, а с леской и крючком. Коротышный интерес за рамки приличий не выходит — только на уху.

Операция тщательно продумана, одобрена на семейном совете. В спичечном коробке томится десяток отборных короедов — все упитанные, белые, с коричневой головкой. Неужто хариус не соблазнится на такую аппетитную наживку? Быть такого не может.

Действительность показывает, что всё может быть. Короед погружается в воду, висит над пятнистыми спинками, вкусный на вид — сам бы съел, как рыбаки говорят, но хариус имеет другие соображения и держит их в секрете. Не берёт, хоть застрелись. Опускаю крючок в другом месте, меняю глубину, подвожу к самой морде — только рот разинуть... Не разевает. Лишь шевельнёт плавниками, отодвинется от наживки и стоит в оцепенении. Оказалось, что даже хорошо продуманные операции могут провалиться с треском.

Ладно, останется нетронутым лесной аквариум.

Разумеется, при желании можно просто вычерпать всю рыбу из ямы. Сегодня с этим проблем нет. Но и желания тоже нет. Проблема в другом.

Природное чудо, так красиво и так доверчиво подаренное судьбой, может навсегда исчезнуть. Чудо, возможно, единственное в своём роде. Мне, по крайней мере, ничего подобного не встречалось за всю таёжную жизнь.

Рассказывать об этой находке приходится только лучшим друзьям и близким людям. По вполне понятным причинам. Жизнь доказано — чем больше известны людям лесные чудеса, охраняемые лишь удалённостью и комарами, тем скорее быть беде. Почему мы такие? Вопрос ко всем сразу. И он, увы, пока не ставится, лишь изредка произносится.

Как сейчас помню день, когда нашёл тот чудесный аквариум. И пусть подольше сохранится, проживёт удивительная быль, похожая на сказку. Дремучий бородастый ельник на Кедровом ручье и спрятанный там омуток, что сразу за клюквенным болотом.

Крик

Иду по снегу третий час подряд и заметно устал. Хотел засветло дойти до зимовья, но уже вижу — не получится. В лесу темнеет, а силёнки быстро тают. Это всё потому, что на «авось» понадеялся, навьючил на себя сверх всякой меры. Один рюкзак тянет не меньше половины моего веса. А к нему привязана труба для новой печки. Мало того, что труба всё время грохочет, за кусты цепляется, так она ещё и железная! Тянет тоже прилично.

А ещё дорогой зайца добыл. Это, конечно, хорошо, но ему места не нашлось в рюкзаке — болтается снаружи.

В согласии с законами физики (усвоенной не очень старательно) всё это добро тянет книзу и раскачивает ходака из стороны в сторону.

Ещё видна цепочка моих старых следов, замётённых за неделю, стараюсь попадать в неё ногами. В основном попадаю, но случаются промашки, и тогда работает физика: нога увязла, а тело по инерции движется вперёд или вбок. Происходит падение тела. А как оно встанет с таким грузом? Это отдельная история.

Нетрудно догадаться, что «истории» повторяются, причём повторяются с ненужным постоянством и всё чаще. В снегу остаются воронки, по которым легко представить, как барахтался «ходок», подобно жуку, лапками кверху... А снег белый, мягкий и пушистый — так и лежал бы, глядя в небо и вспоминая детство, когда все мы, мальчишки и девчонки, барахтались так же, ничуть не заботясь о потерянном времени и намокшей одежде.

Жаль, но надо вставать. Выручай, ружьё! Опираюсь на него, встаю, заботясь при этом, чтобы снег не забился в спусковой механизм. Трудно, братец, трудно, но терпи, носи свой крест стойко.

Отлёживаясь в одной из воронок, всерьёз задумываюсь, не оставить ли здесь трубу? В другой раз заберу. Или завтра днём. Тогда и зайца заодно. Хотя нет, зайца нельзя. Зверьё не пройдёт мимо, утащат. Лиса постоянно тут шастает, бывает соболь, колонок. А мыши учуют — прямо сейчас начнут грызть. Кто не захочет свежей зайчатины?

Решение принять не суждено.

Жуткий нечеловеческий крик врывается в уши и заставляет вскочить на ноги с резвостью, на какую сейчас не способен.

Судорожно сжимаю ружьё, озираюсь. Господи, что это? Кто это?! Ничего подобного не приходилось прежде слышать. Ничего опасного не вижу. И стемнело уже так, что не различить деревья в десяти шагах.

Крик раздался всего раз. Показалось? Нет, такое показаться не может. Ни на что не похожий, леденящий душу крик — он явно был, и до сих пор в ушах стоит. Но вокруг одни деревья и гробовая тишина. Ни движений, ни шорохов. Серая тьма, слегка подбеленная редкими снежинками, тихо падающими из тёмного неба. Чертовщина какая-то...

Тишина убеждает идти дальше. Но... Удаются только три шага, как снова режет уши ужасный крик. Сейчас, однако, он был ожидаем.

Повернув голову влево, почти сразу вижу источник ужаса. Сова! Она совсем рядом, сидит надо мной, на изломе сухого дерева. Такая же серая, как всё вокруг, и потому незаметная. Сидит не шелохнувшись, как бронзовая статуэтка, узнать её можно только по «ушам» над головой. Настроение вернулось, есть повод съехидничать над самим собой — что же ты, охотник, перед птичкой сдрейфил?

Смех смехом, сова не отстаёт. Летит следом, издаёт препротивное: «Йя-я». Если исключить вой волков, ничего более жуткого не услышишь.

Надоело. Пробую поговорить по-хорошему, спрашиваю, что нужно. Даже ружьём замахваюсь, но и это ей нипочём. Мало того, начинаются выражи над моей головой. В чём дело? И, наконец, приходит прозрение — сове совсем не интересен человек, ей нужен заяц! Вот оно что... Запах крови дразнит хищницу, она будет и дальше преследовать.

Добавилась ещё одна проблема: как избавиться от совы?

Игнорирует все мои «брысь» и «фу», не помогают удары палкой по дереву. Стрелять по ней нехорошо. Просто палить в воздух — тоже. Ночная стрельба в лесу почти всегда означает одно и то же, учитывая «особенности национальной охоты» (название ныне забытого фильма). У костра всё выпито, и рядящиеся в охотников люди переходят к главной потехе — отстрелу пустых бутылок.

Безвыходных ситуаций не бывает.

Хулиганский отчасти, но выход! Снял рюкзак с трубой и зайцем, чтоб не мешали. Слепил большой снежок. Сажусь на корточки, громко рычу, затем резко выпрямляюсь, заполюшно машу руками. Снежок летит в сову, а следом несётся истеричное «йя-яя», похожее на свиный крик. Чуть не порвал голосовые связки, но передразнил. Так передразнил, что ей стыдно стало. До зимовья добрался, а сову как ветром сдуло.

Самый страшный зверь

А не страшно ли одному в тайге? А какой там самый страшный зверь? Об этом часто спрашивают охотников.

Если спрашивают из аудитории, то для экономии времени обычно отвечаю, что бояться вообще ничего не надо. Ни в тайге, ни в городе. Ни ночью, ни днём не стоит страшиться, если совесть чиста. Да, на городской улице может кирпич на голову свалиться, могут бандиты напасть. И это более вероятно, чем нападение зверя в лесу.

Но есть один случай, который в памяти стоит особняком. Рассказать об этом можно и нужно, не слишком экономя время.

Остановил мотоцикл, осматриваюсь — никого поблизости? Нет, ни души не видать. Перетаскиваю технику через кювет и прячу в придорожных кустах. Никто его здесь не тронет. С дороги не видно, а пешеходов тут нет и быть не может. На таёжной трассе Усть-Илим — Братск это одно из самых безлюдных мест. Рюкзак на плечи, ружьё туда же и — вперёд.

Хочу пройти по старой охотничьей тропе, разведать новые места. Тропой давно никто не ходит, даже трава не примята. Но видно её хорошо, можно и шагу прибавить.

Едва успел так подумать, как приходится включить «СТОП» и смотреть, не отрываясь, вперёд. Там, далеко за деревьями, мелькнуло что-то тёмное. Зверь? Ничего не успел увидеть, но мелькнуло точно, могу под присягой подтвердить. В такое время звери обычно не ходят, они днём отлёживаются. Хотя, конечно, всякое бывает. А в стволе даже патрона нет. Срочно надо загнать.

Тем временем снова мелькнуло. Теперь уже ближе. Похоже на быстро идущего человека. Но как его туда занесло? Тоже охотник? Не может быть... Туда не проходил, трава не примята, тогда откуда идёт?

И всё-таки человек.

Ясно вижу, что худощав, одет в чёрную рабочую куртку и чёрные штаны, обут в сапоги. Ничего не несёт, руки пустые. За плечами тоже ничего, как так? Праздно гуляющий?

Человека с ружьём он пока не видит, может напугаться, рукой подать до стресса. Чтобы не допустить того, выхожу из деревьев, открыто стою на тропе, с любопытством слежу за его приближением. Сейчас он идёт на крутой подъём, силится быстро взять его, но ходок неважный, походка выдаёт. Голову опустил, смотрит под ноги.

До встречи остаётся с полсотни метров, подъём ещё круче, и незнакомец, наконец, поднял голову...

Увидев меня, неподвижно стоящего наверху, он резко дёрнулся и замер. Несколько секунд молча смотрим друг на друга. Кто таков? Ничего не могу понять. На человека, промышляющего в тайге, совершенно не похож. Не охотник, не рыбак, не грибник... С пустыми руками, в чёрной одежде, коротко стриженный. Да ведь это зэк! Да, беглый заключённый. В голове тут же пронеслось, что дальше по трассе посёлок Эдучанка, где большая колония уголовников. Работают на лесоповале, вот он и сбежал. Наткнулся на тропу, на дорогу надеется выйти.

Мысли молнией пронеслись, всё встало по своим местам. Тяну ремень с плеча, хочу взять ружьё, чтобы увидел — голыми руками не возьмёшь...

Взять не успел. Только снял ремень, как ситуация сама разрешилась. Он крутанулся на месте, едва не упав, и бросился бежать назад по тропе. Но бежать невозможно, круто, и он, как заяц, поскакал.

Шуршание и треск быстро удаляются и вот уже совсем стихли. Он, кажется, ни разу не оглянулся... Затаился что ли? Может быть и так. Пересидит в кустах дотемна, потом на дорогу выйдет. Или... Или подберётся поближе, будет за мной наблюдать.

Почему-то тоже захотелось бежать отсюда без оглядки. И побежал, пошёл в обратную сторону — так скоро зачистил ногами, как только мог.

Бежал, плохо понимая зачем, и, естественно, с оглядкой. Несколько раз оста-

навливался, прислушиваясь, не преследует ли чёрный человек. Голова на этот момент будто отключилась, ногами и всем телом владел обычный животный инстинкт. Проще говоря, страх. Ноги цеплялись за корни, по лицу то и дело хлестали ветки, просили одуматься, но лицо оставалось каменным и было, увы, далёким от осмысленного выражения.

Только отъехав на приличное расстояние, остановил мотоцикл, сварил чай на костре и занялся «разбором полётов».

Матёрый уголовник не убежал бы сразу. Он, скорее всего, попытался бы сам подойти, разговор затеять, что-то выведать, ружьём и рюкзаком завладеть. Этот убежал, увидев чужого человека. Зачем? Ну, прошёл бы просто мимо, поздоровался... Ладно, допустим, убежал из лагеря. Может быть, соседи по нарам довели до того, что сбежал. Там это могут. В конце концов может и не зэк, кто-то другой — есть вероятность.

Разбежались, оба страху поддались. Живём в одной стране, говорим на одном языке и боимся друг друга. Боимся потому, что оба знаем — встретить в тайге человека может быть опасней, чем волка, рысь и даже медведя.

Интересная ситуация. Считая своё общество развитым, мы «развились» до того, что людей, своих соотечественников, боимся больше, чем зверей. В чужом подъезде, в лифте, на дороге, в центре города ночью и в лесу среди бела дня. Добрый десяток причин найдётся к тому. Легко. Труднее признать, что никто здесь не приложил усилий больше, чем мы сами. Придётся об этом подумать.

Думал ли о том сам рассказчик, допивая свой чай? Нет, конечно. Ведь для того, чтобы думать, надо слезть с мотоцикла, побольше пожить среди людей, послушать, повидать, повзрослеть.

А тропа, где случилась немая сцена, — она так и осталась неразведанной. Больше не бывал в этом месте, пропало всякое желание исследовать его. Что тут поделаешь? Бывает и так.

Белый танец

*Светлому человеку
Ольге Бельчиковой посвящается*

Метель накрыла нас на подъёме. Не успели выйти на перевал, чтобы спуститься вниз и заночевать в распадке. Что делать, если ветер свистит в ушах, снег забирает глаза, а ночь надвигается угрожающе быстро?

Возвращаться назад — испортить поход и всё настроение. Продолжать подниматься уже просто опасно и граничит с безумием.

Уже второй час месим грязную снежную кашу, проваливаясь местами по колено. Идём, конечно, без лыж, в городе грязь по дорогам, сами взмокли, и силы быстро тают. Нашли подходящую площадку в сосняке, сравнительно ровную, решили затабориться, пока ещё видно.

Чтобы заночевать в снегу да целой группой, надо всем поработать не жалея сил. Иногда через своё «не могу».

И потрудились. Это мы можем, потому что молоды, сильны, и нас аж восемь — силища! Никаких проблем, кроме небольшой усталости, которая испарится через пять минут, а вернётся не скоро. Есть, впрочем, одна деликатная проблема. Демо-

графическая. Группа скорее девчоночья, парней только трое. При этом дела, мягко скажем, нешуточные — свалить две хороших сушины, разрубить (пилы нет) их на части, перетащить брёвна вброд по мокрому снегу, спотыкаясь и падая.

Дела не все озвучены. Надо поставить и накрыть плёнкой большой навес, под которым уляжется рядом вся команда. А на что уляжется? На твёрдую, на три метра промёрзшую землю? Э-э, нет, такие контакты пока нежелательны для особо чувствительных тел. Целая гора лапника требуется, чтобы отделить тела от родной, но холодной земли.

А ещё надо просторную площадку от снега очистить, где будут навес и костёр, и где все мы непременно поместимся.

Было немножко боязно за девчонок. Как они такое снесут? Обжигающий лица ветер, пригоршни снега в глаза и тяжёлая работа — это, скорее, для матёрых мужиков из рассказов Джека Лондона. Да, девочек к этому не готовили. Ни в семье, ни в школе. Возможно, что им, пятерым, приходилось ещё тяжелее, чем нам троим. Но они и с этим справились, наши краснощёкие. Помогали везде, где могли: несли жерди, ломали колючие еловые ветки, волоком тащили брёвна для ночного костра.

Не укрылось от мужских глаз и то, как часто греют они над огнём покрасневшие свои ладошки, как выжимают воду из рукавичек, безнадёжно промокших, как они вздыхают украдкой, утирают лицо рукавом...

Ладошки эти сделали, между прочим, невысказанно трудную работу — сняли с поляны полуметровый слой снега. Мёрзли, немели от вязкой слипшейся массы, но раз за разом опускались, выбрасывали снег, пока не расчистили до самой земли. Это бы лучше делать лопатами, только где их возьмёшь посреди тайги? Ладошками пришлось.

Как-то неожиданно выделилась Олечка, наша новенькая. Она всего месяц ходит с «Глухарями», и ничего выдающегося в ней пока не замечалось. Ну разве только то, что самая маленькая из девчонок, потому и Олечка. Не красавица, словами не бросается, чаще молчит. Какая-то закрытая, не заглянешь в неё, отсюда и кажется ничем не примечательной, даже неинтересной, скучноватой. Или не притёрлась пока? Не знаю.

Так вот. Подходит она и вполне серьёзно просит дать топор. Это ей-то, самой маленькой. А у нас два топора на троих парней. Представляете?

— Видишь ли, Олечка, у нас всего два топора, и оба заняты. Боюсь, что ребята меня не поймут. Зачем он тебе? Лучше лапником займись. — Говорить стараюсь спокойно, сдерживаюсь, чтобы не обидеть.

— Они уже вторую сушину кончают, я видела. Одного топора хватит. Он мне нужен, чтобы ветки с жердей отсекал. Там их много, лучше топором.

— А если по ноге?

— Не должна. Постараюсь. Умею топором, в деревне росла.

Жерди в самом деле пошли как по маслу. Девчонки повеселели, ведь им приходилось ломать руками. Пришлось самому подключиться, мужская рука здесь нужна, потом и ребята подтянулись. Уже через час балаган возвышался на своём месте. Рюкзаки, грустно съживившиеся на снегу, наконец-то перебрались под крышу. Маленьким моторчиком в этом нужном переселении стала незаметная Олечка. Пришлось заметить.

Управились только к полуночи, когда метель стала выдыхаться. Вымотались, конечно, но донесли свою ношу до конца. Хватило нас и на несколько песен. Без них не умеем в походы ходить.

Заметилось и то, что голосок у новенькой слабоват, но поёт она не столько горлом, сколько душой, поэтому слушать её приятно. Даже слова успела выучить, молодчинка.

Главное открытие состоялось утром.

Не знаю, что заставило открыть глаза, потому что спать ещё хотелось. Уставшее тело просило покоя, и это понятно. Непонятно почему проснулся. Опять костёр прогорел? Похоже, что так — пальцы ног сигнализируют, как могут, они в таких делах не ошибаются.

Шевелю холодеющими пальцами, смотрю на сосны, на небо, затем ишу сонными глазами костёр — вот он.

Да, догорел. На том месте, где ночью жарко горели брёвна, теперь рдеет куча углей, подёрнутых пеплом. Надо бы встать, дров подобрать.

Из-под капюшона много не выглядишь, но главное ясно: ночь позади, пора поднимать всех, а метель, слава Богу, унеслась на Восток. Лес застыл в морозной тишине. Солнце только готовится к выходу, поэтому птицы молчат, соблюдая рассветную паузу. Наши все ещё спят, тесно сбившись в ряд под навесом, слышится лишь сонное дыхание. Устали... Как тут не устанешь, если все с рюкзаками да в гору, да по раскисшему снегу, да столько ломовой работы на ночь глядя.

Хочешь не хочешь, а придётся девчонок будить. Но тогда готовься к отрицательным эмоциям — выплеснутся на голову, не успеешь увернуться. Не очень заманчиво. Или подремать ещё чуток?

Глаза закрываются, но сознание шепчет: «надо, Федя, надо...» Всякий наш «чуток» имеет свойство растягиваться до неприличия. Снова смотрю на синеватый дымок, вьющийся над чёрными головёшками, настраиваюсь встать, и вдруг замечаю снежное облачко, взметнувшееся вслед за чьими-то серыми валенками. Кто-то не спит?

Хозяйкой валенок оказалась Олечка. Вот тебе и маленькая... Крепче всех больших получилась. Танцует сама с собой, кружится в вальсе, будто вчерашний тяжёлый день прошёл мимо неё.

Ловлю себя на мысли, что незаметная новенькая в этот момент очень заметна и даже красива. Заметим, что женская красота видится по-разному. Хорошо сделанная кукла тоже ведь красива — не правда ли? Высокий лоб, правильный нос, широко раскрытые голубые глаза. Но не встрепенётся сердце перед искусственной красотой, не замрёт и не провалится в бездну, заглянув в пустые глаза и не прочитав там ничего.

Тёмные глаза Ольги, обычно глубоко спрятанные, недоступные, в этот раз, казалось, вышли из укрытия, удивлённо смотрели на мир, словно впервые его увидев. При каждом повороте головы они вспыхивали близким тёплым огоньком и тут же исчезали, снова становясь далёкими и недоступными. Сама девушка похожа на распутившийся цветок — ты ходил мимо, не замечая, когда он стоял закрытым лепестками, но вот остановился и смотришь, любишься, не можешь пройти мимо.

Кружась, она исчезает из видимости, но в памяти остаётся волшебное видение. Невзначай скользнувшие по тебе глаза, улыбка, что-то шепчущие губы...

Редкие снежинки тихо спускаются с ясного неба и тоже вальсируют. Редкая минута счастья тихо опустилась на девичью душу. Что-то подумалось? Или вспомнилось? Или всколыхнулось сокровенное, вышло наружу и радуется этой тишине, этому чистому небу, в котором рождаются снежинки.

Белый танец в окружении сосен. Удивительно, но в небе нет ни единого облачка, оно голубое, как чистой воды аквамарин. Откуда снежинки?

Молчат небеса, а снежинки по-прежнему кружатся и падают, возникая из ниоткуда. Наверное, так надо. Очень может быть, что кто-то вычислил наверху — именно они, летящие из голубого неба, подействуют прохладным касанием, раскроют хранилище настужь, чтобы вырвалась душа наружу, надышалась воздухом свободы и закружилась в восторге перед миром. Он в самом деле прекрасен! Не сомневайтесь, люди, не замыкайтесь в себе, раскройтесь!

Розовым ладошкам совсем не холодно, они широко раскрыты, как и глаза. Олечка остановилась и снова что-то шепчет. Руки раскинуты в стороны и несколько вверх — они, может быть, держат большую, но вовсе не тяжёлую чашу, переполненную счастьем. Или просто ловят снежинки? А скорее всего, они обнимают за плечи того, кто нам пока неизвестен. Он, возможно, не известен и ей. Ещё один нераскрывшийся цветок.

Красивую легенду придумали в Японии. Будто бы в душе у каждого человека растёт цветок. С этим можно не согласиться при желании, даже поспорить. Но желания нет, и спорить не хочется.

Желание другое — чтобы это было недалеко от истины и поближе к действительности. До чего красиво было бы в людных местах! Заходишь, к примеру, на стадион или в концертный зал, а там целое море цветов. Незабудки, ромашки, фиалки, анютины глазки, розы, пионы, лилии — у каждого свой цветок, представляете?! И всем надо раскрыться, чтобы увидеть других, самому быть замеченным.

Кому предназначался белый танец на заснеженной лесной поляне? Что за цветок распустился в то утро под мартовским небом? Это осталось загадкой. Но любитель на него найдётся в любом случае, ведь цветы затем и цветут, чтобы их увидели.

Суровые нитки

Штормовка была куплена в Прибалтике, в пору увлечений спортивными походами и путешествиями. Она уже не раз побывала в серьёзных переделках, которых не избежать в её судьбе. Кроме походов, мы с ней четырежды пересекали европейскую часть СССР в разных направлениях. Автостопом, модным в ту пору, в одиночку.

И всюду она, добрая моя штормовочка, защищала, как могла, от ветров, снегов и дождей буйную головушку хозяина, часто трещала от ёрзавшего по ней рюкзака. Она, возможно, жаловалась на тяжёлую жизнь, просила починки, но владелец не замечал того — он всё куда-то ходил, плыл и летел.

Судьба, извилистая как таёжная тропа, привела нас в романтичный Усть-Илим, что строился на Ангаре. И выясняется, что здешняя молодёжь едва ли не поголовно ходит в походы. Просто в тайгу, где всегда интересно и красиво, на выходные дни и почти каждую неделю. Глядя на это, мы, конечно, не растерялись, а сразу пристроились к передовой молодёжи.

Теперь походная куртка трудилась ещё больше, в усиленном режиме и почти без отдыха. О починке не могло быть и речи — некогда, некогда, некогда! И суровые нитки нигде не купить. Дефицит.

— Что за суровые нитки? — спросит современный читатель.

Были такие. Толще и гораздо крепче обычных «простых», за что и получили своё серьёзное имя. Продавались редко и далеко не везде. В те годы мы ещё не знали искусственного волокна из капрона и нейлона, а «простые» льняные нитки боятся сырости и быстро ветшают.

Можно красиво выразиться и заявить, что вся наша молодость была прошита суровыми нитками. Есть в этом правда.

Ну, так вот. Лето пролетело, на подходе сентябрь, и тут мою куртку увидела Валя. Она рассмотрела несчастное изделие, бывшее когда-то новым и даже симпатичным, покачала головой и спросила:

— Ты в этом хочешь идти на Байкал?

— Больше не в чем. Чем её заменишь?

— Это понятно, но мне кажется, что куртка не годится для большого похода. Смотри, она уже вся расплзлась, нитки истлели. А вот здесь, на спине, её даже штопать бесполезно — только на тряпки.

Говоря, Валя водила ладошкой с тыльной стороны. «Вот видишь? А здесь видишь?» — спрашивала она, когда розовый пальчик просвечивал сквозь потёртую ткань.

Как можно не видеть... Плачевное состояние любимой одежды не было новостью. Но что ответить? Небольшой мой жизненный опыт подсказывал, что прямой и честный ответ — он самый лучший. Так и говорю.

— Боюсь, что здесь ничем не поможешь. Сам виноват, надо было раньше спохватиться. Поход на носу, штормовку теперь не заменишь. Новую в Усть-Илиме не купишь, не привозят. Но случаются командировки в Братск и Иркутск, там постараюсь купить. Ещё разок, самый последний, схожу в этой. Может быть, она ещё выдержит.

Заканчивая речь, вижу, что Валя хочет возразить. Догадываюсь — готова предложить свою помощь. Это, пожалуй, уже лишнее.

— Ты не переживай и за меня не беспокойся. Штормовка ещё послужит. А ты хотела мне помочь починить — угадал?

Россыпь золотистых волос согласно дрогнула, но глаза тут же скрылись за большими частыми ресницами. Щёки слегка порозовели, проводив ко мне смущённую, даже виноватую улыбку. А мне, честно признаться, очень нравится это милое выражение. Приятно видеть его, зная, что за виноватой улыбкой нет никакой вины и быть не может. Ведь она рассказывает о себе всё, доверяет свои девичьи тайны, когда остаёмся вдвоём. Зачем рассказывает? А вот этого и сам не знаю.

— Слушай, Валя, — продолжаю, — ты, будь добра, не обижайся. Мне бы не хотелось, чтобы ты тратила время на это. Тебе своих забот хватает, знаю. А я обойдусь, не переживай. Сам смогу зашить, умею. Спину трогать не буду, оставлю как есть. За неё не стоит браться, только выбросить, верно говоришь. У меня правило такое — сам всё делаю, стараюсь никого не просить.

Безошибочным женским чутьём она уловила, что «умелец» ничего делать не будет, а её хотят отодвинуть вежливо в сторонку. Она виновато улыбнулась и согласно кивнула головой.

— Хорошо, пусть будет так. Но ты же ещё зайдёшь попрощаться?

— Куда я денусь? Конечно, зайду.

Лёгкое прикосновение к её руке — всё, что можно позволить. Знак благодарности. Углублять отношения нам не стоит, мы это осознаём и стараемся соблюдать соглашение. Удивительно, оно достигнуто только глазами, без слов, но всегда соблюдается.

Да, она мне нравится и, похоже, чувствует это. Но что из того? В этом возрасте нравятся все девушки, улыбнувшиеся тебе хоть однажды.

Нам не суждено быть вместе по разным прихотям судьбы. И вовсе не потому, что она заметно старше и даже выше ростом — это такие пустяки, о которых и помнить не стоит.

Быть рядом, разговаривать о том-сём нам нравится. Но, по правде говоря, мы почти противоположные. Если с себя начать, то мне хочется быть всегда сильным, идти впереди, ставить цели и достигать их, покорять вершины. Люблю путешествовать, дома усидеть не смогу.

У неё всё не так. В трамвае судьбы ей выпал несчастливый билет. Непонятная сердечная болезнь пытается подрезать её молодые крылышки. То тупой, то острой болью сердце напоминает о себе, заставляет её вздрагивать без видимых причин, опускать глаза. Мы поначалу ничего не могли понять, а она молчала, не рассказывала о себе.

Казалось, что недобрые силы навесили ей табличку «ОБРЕЧЁННАЯ», требуя носить её постоянно.

Врачи говорили, что ей следует готовиться к сложной болезненной операции. А пока нужен строгий режим: особая диета, жизнь без резких движений, без нагрузок, сон после обеда, избегать переживаний. Но что это за жизнь? Могут ли нормальные люди так жить?

И всё-таки она приехала в песенный Усть-Илим, где по слухам интересных людей больше на одной улице Романтиков, чем во всём Датском королевстве. Ходить с рюкзаком по тайге ей нельзя. А если душа просит? Если хочется смотреть в звёздное небо и со всеми петь песни у костра?

Раза три за лето она смогла сходить с нами.

Это были самые короткие маршруты с одной ночёвкой. Мы, конечно, берегли её, как могли, — разгружали рюкзак, не торопили, давали самые простые поручения. Чуткое её сердечко не могло того не заметить, и она помогала каждому, кто оказывался рядом. Несла хворост для костра, собирала лапник, чистила речным песком котелки и ведра.

Должно быть, не много счастливых минут случилось в её жизни, если такая малость, как короткий поход, несла ей столько радости. Счастьем светились её золотистые волосы и неправдоподобно длинные ресницы, светился нежный золотистый пушок на щеках — вся она светилась, как весеннее солнышко, и невозможно было не засветиться тоже всякому, кто видел её в тот момент.

... Женское общежитие было в том же доме, на Романтиков, 8, где и наше, только в соседнем подъезде. Надо забежать к девчонкам, попрощаться. Завтра рано утром уходим с «Глухарями» в большой поход на Байкал.

Забежать на минутку не вышло. Девчата затащили за стол и весьма категорично заявили, что без чая с пирогами хорошая дорога нам не светит. И куда, скажите, деваться, если холостяцкая жизнь пирогами не усеяна? А следом подходит Валя. Стягивает с меня штормовку и, надёжно укрыв глаза за лесом золотистых ресниц, говорит такое:

— Давай, пока пьёшь чай, я в соседней комнате сделаю хоть несколько стежков. Просто на память. Не будешь возражать против памяти? Поверь, что так будет лучше и тебе, и мне. Не вредничай, пожалуйста. Суровые нитки я всё-таки раздобыла.

Достать в те времена суровые нитки считалось практически невозможным делом. Сообразив и оценив, отвечаю.

— Хорошо, если так. Мне будет дорого вспомнить.

Говорилось это с подтекстом, нам двоим понятным. Завтра уезжает моя команда, а через пару дней уедет Валя. Мы-то вернёмся в Усть-Илим, а она... Вполне возможно, что с ней мы уже не увидимся. Отец прислал ей письмо, где говорилось, что пришёл вызов на операцию, ей надо возвращаться. Ещё он писал, что с её здоровьем лучше не по стройкам мотаться, но жить в родном доме, где её больше любят, ждут и всегда помогут, где так нужны её заботливые руки. Отец, безусловно, прав.

Чай выпит, от пирога остались крошки, мне пора уходить. Валя, видимо, всё хорошо продумала и сказала то, на что не возразишь.

— Прости, но я не успела с курткой. Несколько стежков там уже не помогут, надо ещё повозиться. Оставь её до утра, я хочу закончить. Перед отъездом забежишь да заберёшь. Она будет ждать тебя в прихожей, на вешалке. А теперь иди. Всего тебе хорошего.

Она улыбнулась и протянула свою тёплую ладошку. В тот момент мне, увы, даже в голову не пришло, что мы прощаемся навсегда.

Утром девчонки открыли дверь и протянули штормовку. Говорили они почему-то шёпотом.

— Вот она, как новенькая. Забирай и — счастливого пути! А наша Валя спит, не буди её. Всю ночь на кухне свет горел, мы видели. Она всю свою штормовку на куски порезала. У неё ведь новая была, сам знаешь, почти не ношенная. Вот она кроила, резала, к твоей пришивала. Без машинки, вручную — с ума сойти... Ну ладно, забирай.

Остолбенеv от такого подарка, смотрю сердито на свою похорошевшую куртку. Ни понять, ни сообразить ничего не могу оттого, что мысли разом разорвались на тысячу обрывков. Толпятся, прыгают, друг дружку толкают и разбегаются во все стороны.

Зачем такие жертвы? Да кто я ей такой, чтобы столько труда на меня потратить? Язык онемел, за себя очень стыдно... Ну зачем же так? Ну пусть хороший знакомый, и всё, ничего больше. Наверняка, не увидимся. Никогда. Она это понимала, когда бралась. Работать всю ночь, не спать ради меня, не способного дать ей ничего, — зачем такое? Мы просто попутчики в одном вагоне. Немного проехали вместе, скоротали время, выйдем на разных остановках. Надо ли столько терпеть ради чужого человека, колоть пальцы иголкой, вручную, стежок за стежком, резать кожу грубыми нитками? Её-то нежными пальчиками да с её сердечком...

На цыпочках прокравшись в комнату, топчусь перед кроватью, смотрю на казённое тёмно-зелёное одеяло, укрывшее хорошего человека. Оно чуть заметно приподнимается каждые две секунды. Лица не видно, золотистая прядь рассыпалась по подушке... Нет, будить не стану. Простимся молча. Вот так — прикоснувшись щекой к одеялу.

Она ответила на пять моих писем, где были рассказы о походах, белках и бундуках, цветных листьях на белом снегу. Ещё несколько раз операция откладывалась, потом, наверное, состоялась. Она перестала писать, а мне очень хотелось, чтобы всё у неё сложилось.

Штормовка служила ещё несколько лет. Частые чёрные стежки на выцветшей зелёной ткани просили вспомнить про Валю. Её улыбку, зачем-то виноватую, и её сердечко, подраненное, но очень тёплое, способное обогреть «просто так», только потому, что кому-то холоднее.

Эта жертвенность не объясняется ни пользой, ни логикой, ни пространными суждениями о женской эмоциональности. Сотворив мужчину и женщину, Создатель наделил обоих особым знаком, отличающим людей от животных. Мы назвали его сопереживанием. Возможно, что женщине его досталось чуть больше, как и должно быть.

А ещё это называлось когда-то любовью. Не в нынешнем, донельзя упрощённом понимании, но в настоящем, почти забытом сегодня. Это та любовь, с которой спутник отдаёт тебе обувь, а сам идёт босиком.

* * *

Перебирая старые бумаги, наткнулся на тонкую пачку писем, перевязанных суровой ниткой. Перечитал, поулыбался нахлынувшим мыслям. Более сорока лет эти пять писем томились среди других бумаг и фотографий, ждали, что когда-то их снова прочтут.

С бумагами ясно — их ждёт загадочное слово «утилизация». Но как быть с памятью? В ней тоже хватает ненужного хлама... Что отсеять и что сохранить? Пришить к себе суровыми нитками... Лучше всего с этим справится душа, родная сестра памяти. Она не ошибается.

По грибы

Люблю ходить по грибы. И поесть не откажусь. Если их с молодой картошечкой да с лучком... А если ещё и сметана в холодильнике имеется... Ну, куда, скажите, от них денешься?

И не надо куда деваться. Надо прямоком, не сворачивая, идти к ним. Потому что самое интересное в грибных делах — сам поиск.

Растут они вообще-то сразу за крайними домами посёлка. Но лучше эти места поскорее проскочить. Не кидаться с ножом к первой же попавшейся сыроежке. Если же вы безнадежно больны грибами, то, в крайнем случае, можно слегка прикрыть глаза и пройти дальше в лес не меньше километра.

Впрочем... Прикрывать тоже рискованно. Есть серьёзный риск угодить ногой во что-нибудь нежелательное. Например, в пластиковые предметы быта, остающиеся после душевных посиделок. Можно и в коровью неожиданность вляпаться. Запросто. Местность заминирована!

Но вот, кажется, оторвались. Теперь цепким, нацеленным взглядом следует изучать почвенный покров.

Грибов на покрове, честно говоря, негусто. Но этим нас не усыпишь. Будут! Никуда не денутся. Ведь всё вычислено. Дожди прошли? Прошли. И тепло, как полагается в конце июля. Все условия им созданы, что ещё надо?

Ага, смирились, попадаться стали. Давно бы так.

В моём туеске уже три подосиновика, несколько маслят (настоящих, не беличьих) и два подберёзовика. Даже белый один срезал — хороший, без ненужных «жильцов» в нём. Ещё два потом попались, но оба порченые.

Цепкий взгляд — он за всё цепляется, как репей. Заметил, что из земли торчат, белеют свежесрезанные «пеньки». Чьи-то стёжки-дорожки по траве разбежались. И здесь конкуренты достали — такие, братцы, времена.

Лёгкая тень досады пытается омрачить наш ясный взор.

Это, однако, ненадолго и почти незаметно. Здоровую конкуренцию вынуждены терпеть и вместе с тем пытаемся приветствовать. Честное пенсионерское! Как-никак, в рыночных условиях проживаем, в демократию играем. Только вот желваками ещё поиграем и — вперёд. Грибов всем достанется, потому что у каждого они свои.

Что ж, где грибы, там и грибники.

Обёртки от конфет, какие-то бумажки... А вот краснеет пояс от плаща, зацепился за куст. Какая-то Маша-потеряша ходила. Давно, видать, висит — выцвел уже, полинял. А поясок-то хороший ещё. Крепкий, капроновый. Забрать надо, пригодится. И мусора будет меньше в лесу.

А в прошлый раз посущественней была находка. Гляжу — блестит что-то под ольховым кустом. Нагнулся, вижу ножку от гриба, а рядом кухонный нож лежит. Вполне хороший ножик, острый, из нержавеющей стали. Только велик для грибов. Улыбнулся находке, покачал головой — неудобно с большим ножом в лесу. В кармане не спрячешь, надо в руке нести, а он мешает, цепляется за всё. Того и гляди, накажет тебя. Сам себя саданёшь по мягкому месту или оттяпаешь что-нибудь.

Маленький складешок — самое подходящее орудие в грибной охоте. Едет в кармане, спит себе спокойненько, пока грибов нет. А как появятся — просыпайся, выходи на работу!

Загвоздка, однако. Мается мой складень от безделья. Безработный. И только подумал, что пора бы на биржу труда его пристроить, как вдруг...

А это кто в короткой маечке? Ещё один белый! Весь подтянутый, бравенький солдатик, но вот попался в плен. Иди сюда, дорогой. Теперь не спрячешься, полезай в туес. Но сначала вопрос ребром: имей совесть признаться — куда попрятались твои братцы-сестрички? Папу с мамой видел, но мимо прошёл. Староваты для меня.

Здесь бы пора признаться, что и сам грибник не первой свежести. И не второй, пожалуй... Как-то неуверенно идёт, будто дороги не знает. А ведь знает.

Ещё как знает. И смотрит будто бодрячком, но идёт тяжеловато, словно куль картошки тащит, спотыкается. Возраст — говорите? Да уж... Он и в Африке возраст. А всё же ноги пока держат. И на том слава Богу.

Возраст, между прочим, кое-что даёт, не только отнимает. Житейский опыт хотя бы.

Идёшь и видишь издалека — стоят два красавца подосиновика. Заметно стоят, будто напоказ вышли. Метров с пятнадцати видно. Но житейский опыт не советует спешить к ним. Даже отсюда видно, что славная парочка, хоть и стоит на своих ногах, но уже вплотную подошла к переходному возрасту. Нам таких не надо.

А после смелого вывода подумаем получше и всё-таки вернёмся к увядающим красавцам, убедимся, что не зря. Вот он — ещё один! Менее заметный, в сторонке стоит, но вполне справный крепыш. Чуть было не сорвался со сковородки.

Тем временем на пути возникает небольшое замешательство. Впереди полуметровые заросли папоротника.

Житейский опыт снова выручает. Знаем, что ни один уважающий себя гриб не будет жить в обществе папоротника. Обойдём заросли подальше.

Хорошо в лесу всегда, в любую погоду. Даже сейчас, в июльскую жару, менее всего любимую мной, здесь приятно быть, и хочется задержаться ещё. Можно сесть в тени развесистого кедра, перебрать грибы, снимая с них прилипшие хво-

инки, вспоминая, как и где они найдены (а это отдельный увлекательный рассказ!). Сидеть и никуда не спешить, слушая переключку кедровок, ощущая угре-тую солнцем хвойную подушку под собой, чувствуя себя не лишней, но необходи-мой частью этого прекрасного мира.

Рано или поздно, однако, приходится вспомнить о домашних делах, которые так же, как мы сами, не любят ждать и стоять в очереди.

Иду по тенистой лесной дороге, возвращаюсь в посёлок. Дышу вкуснейшим лесным воздухом и улыбаюсь. Чему? А просто так. Оттого, что не впустию сходил — нагружен добычей и хорошим настроением. Последнего несу особенно много, го-тов поделиться с каждым встречным.

Воронка

Жарковато в тайге. Давно хочется пить, но на перевале воды нет. Знаю, что до неё ещё далеко. Надо пройти каменистое плато, одолеть крутую осыпь, долго спускаться по глубокому распадку, и только там будет единственный на всём пути ключ.

Спешу вниз и немножко про себя досаую.

Дело в том, что тот ключик совсем мелкий, едва видный в траве и зарослях па-поротника. Кружка глубоко в рюкзаке, пока до неё доберёшься... И без неё беда, трудно воды набрать. Ну разве что ладонями зачерпнуть. Наберёшь и — попробуй удержи её в пальцах.

Взмок уже весь, но, кажется, скоро приду. Стали часто встречаться кусты че-рёмухи, а это верный сигнал — до воды близко.

А вот и он, тонкой верёвочкой вьётся в мокрой траве. И ещё одно приятное неожиданное открытие — не придётся держать пальцами воду. Какой-то добрый человек побывал здесь раньше и сделал всё, что надо. Углубил русло, ямку для удобства выкопал и на видном месте повесил стаканчик для питья.

Да не тот стаканчик, который пластиковый, одноразовый, снижающий истин-ный вкус родниковой воды. Нет, посудина сделана прямо здесь, возле ключа, под шёпот листвы и пение птиц. Мастеровыми руками она сделана всего за несколько минут — из куска берёзовой коры свёрнута воронка, при этом её острый конец загнут, вода из воронки не будет выливаться.

Береста — удивительный природный материал, несравнимый, пожалуй, ни с чем. Экологически чистый и, можно сказать, вечный. Не скоро разрушат её дожди, морозы, солнце и даже столетия. Самодельный стаканчик ещё не один год будет висеть на сучке возле ключа, будет радовать проходящих здесь людей.

Глоток чистой воды стал для меня глотком блаженства и наступившего затем успокоения. Сижу в прохладе, под тенистым кустом черёмухи, смотрю на ворон-ку, улыбаюсь. Как просто делается добро!

Но тут пришла запоздалая мысль. Пришла незаметно и тихо, уселась поодаль, смотрит не осуждающе, но... Если бы она имела лицо, то оно имело бы вид побитой собаки. С вопросом. А вопрос, между прочим, ко мне ставится ребром — ты напился, ты доволен, что кто-то другой сделал стаканчик-воронку? А ведь мог и сам смастерить, ничуть не хуже. Почему-то не догадался, не сделал, хотя не раз думал об этом. Оплошал, батенька... Торопился? Или лень-матушка?

Увы, ответить нечего. А хоть бы и нашлись слова — зачем они? Здесь бы боль-

ше пригодились дела, чем слова. И работа над собой, любимым, нужна. Постоянная, незаметная. Самая лёгкая, на первый взгляд, из всех известных работ, но самая тяжёлая на деле.

Вредина

Есть у меня хороший знакомый, показать которого, увы, нельзя. Потрогать — тоже. Его как бы и нет. Но мне-то совершенно точно известно, что есть!

Вообще-то он действительно хороший. Нормальный мужик, и терпеть его вполне можно.

Но... Страшный зануда — вот что. Какой-то совсем негнущийся, как сухая палка. Как начнёт нудить, направлять, наставлять — хоть уши затыкай. Это ты зря сделал, а там не так сказал, а здесь поленился. Везде носом норовит ткнуть — вот вредина!

Это к тому, что сам-то я его тоже не вижу. Зато слышу постоянно. Бывает, что прицепится, где-то за ухом найдёт себе местечко, и поедом ест, никуда от него не спрячешься.

Сегодня подловил меня во дворе, возле умывальника.

Утро радует, из-за леса солнышко встаёт, растираюсь холодной водой и смотрю на мир бодряком. Вот только под ногой что-то мешается... Глаза скользят вниз и натываются на кустик боярышника. Тут он и взъелся.

— Этот куст давно всем надоел, а ты обещал пересадить его в другое место. Сколько можно? Хозяин ты или кто?

— Ну, хозяин, так что теперь? Пересадить хотел, да всё не соберусь никак. Не могу же все дела побросать ради этого куста?!

— Бросать не надо. А мог бы не валяться на диване после обеда, мог бы с соседом не болтать ни о чём, на рыбалке не сидеть часами.

— Без этого жить неинтересно.

— Согласен. Но тогда учись жить интересно и при этом успевать всё делать. Хочешь, напомню — сколько тянется твоё «некогда»?

— Да ладно тебе...

Смотрю на куст, проникаюсь сказанным. Может быть, вправду пересадить? Отложить всё, а это сделать. Ведь он, вредина, прав — всегда найдётся что-то другое, неотложное, а это опять забудется. Да, надо пересадить. И прямо сегодня.

Иду к дому, а он, представьте, бубнит в спину.

— Наперёд знаю, чем твоё «сегодня» кончится.

Да, знает меня хорошо. Изучил за столько-то лет... А всё ж не до конца изучил! Вот возьму и сделаю. Тресну, но сделаю.

Тут и лопата на глаза попалась. Воткнул её в землю возле крыльца. Здесь она будет указывать в небо, как перст судьбы, станет напоминанием. Выйду за дровами или по воду, а она уж тут стоит, на меня смотрит и требует: «Давай-ка, братец, выполняй обещанное, да не будь болтуном».

Дела, конечно, навалились — только успевай отбиваться от них. С дровами управился, золу из печки выбрал да по огороду раскидал, картошек к обеду нарезал, потом с топорищем провозился, пока разохшийся клин заменил.

Уже и полдень подоспел, когда наконец подошёл к лопате. Посмотрел на неё со значением, черенок потрогал. Ничего, нормально стоит, не падает.

Журавли сверху кричат. Напекают — сентябрь кончается, холода с Севера наступают. В октябре земля начнёт подмерзать, тогда куст не пересадишь. Так ведь то в октябре! А я сегодня пересажу. Вот только пообедаю. Небо, правда, хмурится. Да ладно.

Но давно замечено, что после обеда происходят удивительные вещи. Все неотложные, кричащие о себе дела — они, не сговариваясь, дружно успокаиваются, перестают кричать и умиротворённо засыпают.

Удобно устраиваюсь на рабочем месте (на диване, вы верно поняли) и без проблем прихожу к выводу, что куст можно пересадить завтра. Или послезавтра. Не убежит никуда. Так-то оно так, но самые правильные мысли часто встречают непонимание. Из окружающей среды слышу реплику. Понятно — чью.

— Стыдно, батенька, стыдно.

Отвечаю с возможной невозмутимостью.

— Это перед кем мне должно быть стыдно?

— Перед самим собой. Разве этого мало? Вот скажи мне честно — ты сам-то хоть немножко себя уважаешь?

— Немножко — да. Как без этого?

— Верно. Без этого никак. Но тогда надо стыдиться своих невыполненных обещаний. Иначе как уважать того, кто рассыпает их, словно песок?

Неотразимо, как лом. Надо задуматься.

Росток боярышника был замечен ещё летом. Да не этим летом. И даже не прошлым, а позапрошлым. Угораздило его вылезти в очень неудачном месте, почти под умывальником, где все задевают его ногами. Непереваренное семечко, скорее всего, оказалось в помёте какой-то лесной птицы, севшей на стоящую рядом черёмуху.

Заметив росток в первый раз, задумал пересадить его в другое место. Низкорослое, красивое и раскидистое дерево — такому всегда найдётся место в нашей усадьбе. Боярышник отлично украсит её, особенно осенью, когда всё дерево покроеется кистями крупных красных ягод.

Решить решил, и место подобрал, только вот... Третье лето позади, росток уже в полметра вымахал, под ногами путается.

Свесил ноги с дивана, колеблюсь.

— Или сейчас, или никогда, — говорит этот...

— А если через часок? — предлагаю компромисс.

Он неожиданно вильнул. Заявил сначала, что отступить нельзя, но следом попятился. Сказал, что не обязательно прямо сейчас, можно и погодить. Примолк, прислушиваясь.

Прислушиваюсь тоже. По кровле барабанит монотонный «так-так, так-так». Что ж, пусть будет так, не возражаю. Где моя штормовка?

Дождь, понятное дело, послан специально, чтобы сбить меня, увести от цели. Но уже поздно. Поезд набрал ход, его не остановить. Прорвало! Пусть теперь моросит хоть до посинения — не сахарный, не растаю.

Уже на крыльце попытался остановить тот, кто всю кашу заварил и больше всех подначивал.

— Зачем зря мокнуть? Глянь на небо, видишь просвет на горизонте? Этот дождь всего на полчаса. Лучше пересидеть его дома, а уж потом...

Возможно, он не пользовался железной дорогой и потому не знал, что поезд, набравший ход, не останавливается. А ещё возник пунктик — подержать себя «в

чёрном теле». Это придаёт спортивный азарт в борьбе с самим собой. Не люблю выигрывать по очкам. Хочу чистую победу.

Отвечаю в соответствии с «пунктиком».

— Никаких «потом», только сейчас. Пошёл пересаживать.

— Ну и дурак, — бросил он в спину.

Не знаю почему, но вместо традиционного «сам такой» ответил другое.

— Сам знаю.

Мой ответ, видимо, изрядно озадачил его, он надолго замолчал. И ладно. Одеваюсь, выхожу в дождь.

Лопата встретила молча, что в общем-то понятно. Вся мокрая, она одиноко стояла у крыльца, ждала. Улыбаюсь, беру её в руки:

— Пойдём.

Грунт оказался каменистым. Не подарок. Лопата лязгает, жалобно скрежещет — не лезет. Изо всех сил старается, даже искры высекает, но куда там... Придётся отправить её в отставку и перейти на надёжные первобытно-пещерные технологии. Выглядит даже забавно — пришлось опуститься на четыре конечности и рыть руками по-собачьи, выпрастывая булыжник за булыжником из земных глубин.

Дождик забарабанил по спине. Настойчиво стучится — просит пустить его под одежду. Пришлось пустить, куда деваться?

Чувствую, что промок до нитки, холодно и мокро всем моим косточкам. И в грязи извожился, конечно же, по уши. Но дело сделано!

Теперь скорей в тепло. Дома привожу себя в сносный вид, переодеваюсь в сухое. Наливаю в бокал виноградного вина (заслужил, имею право) и сажусь перед окном, откуда виден пересаженный куст. Представляю его большим и багряным через несколько лет, каким видится он в сентябре по берегам таёжных речек. Доживём? Конечно, доживём!

А дождь в самом деле кончился. Прав был тот, кого зря назвал врединой. Он, впрочем, тоже хорош — дураком меня назвал. Тоже погорячился, пожалуй. Вы спросите — кто этот вредина? Думаю, что он знаком каждому. Или почти каждому.

Картина

Правильней будет назвать её фотокартиной. В самом деле это сильно увеличенный фотоснимок, сделанный неизвестным человеком, помещённый под стекло и вставленный в деревянную рамку. Надо сказать, что в цветовом отношении сюжет особой выдумкой не блещет: голубовато-блеклое небо, такая же блеклая речная вода, подёрнутая рябью, одинокая лодка, далеко вытянутая на песчаный берег.

Трудно найти хоть один семейный фотоальбом, который не украшали бы снимки из полюбившейся всем серии «лодка на берегу».

И всё-таки это картина, которая греет душу. Она, когда-то подаренная, давно висит на стене в моей комнате. Взгляду всегда приятно увидеть её на прежнем месте. Надо повнимательней присмотреться, тогда откроется, что лодка не одинока. Тёмный пенёк, торчащий рядом из песка, вовсе не пенёк, а носовая часть другой лодки, утонувшей в песке и глубинах Времени. Ещё в паре метров обнаружатся остатки третьей лодки, тоже занесённой песком, она почти полностью истлела.

За всем этим история большой семьи — живущий сегодня рыбак, его отец и дед. Каждый сам мастерил свою лодку, на которой плыл по Жизни. У каждого своя семья, своя неповторимая история. Целая летопись видится за тремя лодками...

Картина говорит и о большой эпохе, ушедшей от нас безвозвратно. Ведь на ней ещё видна Ангара, воспетая в песнях. Ещё живая и текучая, одна из красивейших рек России в прошлом. В настоящем — цепочка из коротких проток и гигантских водохранилищ с гниющим лесом на дне. И сделали её такой мы, жители ушедшей эпохи.

Любопытный взгляд без труда распознает на картине лодки-долблѐнки. Каждая выдолблена вручную из бревна осины. Как? А вот так — берѐт мужик топор, тесло и молоток, затем садится на бревно, как на коня, и — пошѐл стучать-тюкать, как дятел. С песней, если весѐлый.

Бревно, конечно, толстое. Никак не меньше полуметра в отсеке. Нескоро, ох, нескоро такое выдолбишь! Даже если руками, не клювом тюкаешь. Но когда-то и это делается. Пустым стало бревно, одни тонкие стенки остались. Что, впрочем, не значит — сел и поплыл. По стенкам должен ещё стружок пройти, сделать их ровными и гладкими. Потом с кормой и носом следует повозиться, да и другой мороки хватает.

В той мороке есть свои приѐмы и секреты, для большинства сегодня непонятные или совсем не известные.

Чтобы лодка получилась вместительной и устойчивой, борта надо раздать в стороны, как бы раздвинуть. А как это сделать? Любого из нас вопрос поставит в тупик. Ведь известно, что согнуть дерево можно лишь слегка. А будешь упорствовать, гнуть дальше — сломается.

Эпоха, однако, тем и отличалась, что вместо гаджетов были головы.

Головы тоже были другими. Они не забивались дурью, не искали, как уйти от действия, но просто действовали, занимались тем, к чему Богом даны. Как говорили в Одессе, это две большие разницы.

Однажды думающие головы заметили, что сырое дерево гнѐтся лучше. Один ключик к разгадке есть, но одного мало. Человек всегда хочет большего. А если попытаться в горячей воде? Попробовали и удивились — сырым и нагретым дерево можно гнуть колесом! Так и приспособились: вымачивали в горячей воде, а уж потом гнули на всякую потребу. Конские дуги, коромысла, полозья для саней и всё, что хочешь.

Борта у долблѐнки тоже деревянные и тоже никуда от мужика не денутся. Раздвинутся тем же нехитрым способом.

Естественный вопрос. Где, в каком чане нагреть такую прорву воды, чтобы наполнить лодку? Естественный ответ — нигде греть не надо. Хватит того, что залить посудину речной водой и накидать туда раскалѐнных на огне камней. Можно хоть до кипения довести.

Кидал мужик камни, слушал фырканье, шипение и треск. Смотрел на вереницу пузырей, бегущих кверху, дышал горячим паром и дивился взрывной силе, миг превращающей воду в ничто. Но мужик на земле живѐт и помнит, зачем набросал камни в долблѐнку. Наблюдая за пузырями, он не забывает забивать распорки между бортами. Раз за разом распорки длинней и длинней. Постепенно борта раздаются вширь, как оно случается у объевшейся коровы.

Долблѐнка такой и останется, когда высохнет. Хорошо просмоленная, она прослужит своему хозяину десятки лет. Ну а в свободное от работы время ей можно полежать, как и нам.

Лежать, правда, придётся под открытым небом. Но это даже полезно, если не на дороге лежишь и никому не мешаешь. Вот и лежит себе на бережку да на песочке, да кверху брюшком, как принято у всех порядочных. Дождик мочит, солнышко печёт, мороз бока кусает, а ничего ей не делается... В любой час бери её, спускай на воду и — пошёл. Вверх и вниз по течению, под шестом и под веслом, на любой деревенский промысел.

Промыслы, конечно, всякие. Большая река давала большие возможности. Первым делом это крупная рыба. По-настоящему крупная, по два-три пуда весом, 30-50 килограммов, какую лишь на картинке сегодня увидишь. Даже хорошим едокам (а они всегда в большой семье найдутся) не одолеть такую рыбину и за два присеста. Старики рассказывали, что большим осетром или тайменем (хариус хорошей рыбой не считался) запасались на зиму — головой втыкали в снег, как столб, и тогда рыбий хвост возвышался над забором.

Дорог не было, поэтому лодка, выдолбленная из бревна, служила по всякой хозяйской надобности — на охоту, сенокос, по ягоды-грибы, за орехом, проведать родню в соседней деревне.

Хозяин знал, что найдёт свою помощницу на том месте, где оставил. В те времена... Нет, вода не была мокрее, речь о другом. Времена были неласковые, но люди не боялись друг друга, не замыкались в себе, и лодки не держали на цепи с двумя замками. Люди любили детей, любили и жалели природу. Жалели и не забывали своих стариков.

Наверное, поэтому жила красивая и добрая традиция — не выбрасывать, не жечь отслужившую лодку. В путешествиях по северной Ангаре и другим рекам мне не раз встречались своеобразные «мемориалы» из двух-трёх лодок, полуистлевших, давно переживших хозяев, но лежащих рядом.

Каждый раз, подходя к своей посудине, к делу пригодной, сельчанин видел рядом дряхлеющую лодку ушедшего отца, а за ней различался остов дедовой долблёнки. Можно улыбнуться, вспомнив обоих — родные их приметы, говор, привычки...

А потом какой-то заезжий человек, увидев на берегу лодки трёх возрастов, сделает снимок на память.

Придёт время, и картина окажется у другого человека, тоже на память. Но не только памятью об ушедшей эпохе согревает картина. Есть в ней ещё одна радость, не с первого взгляда заметная.

Фотосюжет, повторюсь, весьма распространённый. Но почему он всем нравится? Нетрудно догадаться, если немного помыслить. Потому, наверное, что пустая лодка всегда зовёт в дорогу. Вот сейчас ты устроишься в ней поудобней, веслом оттолкнёшься от берега и — «полный вперёд!» Открытия, приключения, встречи ждут на пути. Всякое ищущее сердце найдёт в дороге то, к чему стремится. Не стой, человек, на месте, не обрастай пылью и мхом, ищи свою лодку.